

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(**Н И У « Б е л Г У »**)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИМЕН ПЕРСОНАЖЕЙ
ПОЭМЫ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ» КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫХ В
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование,
магистерская программа «Языковое образование»
очной формы обучения, группы 02031610
Титовой Анны Сергеевны

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор Чумак-Жунь И.И.

Рецензент
доцент кафедры русского языка
и естественных дисциплин
«БГТУ им. В.Г.Шухова»,
кандидат филол. наук
Анопченко Е.В.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ И СТИЛЬ ПИСАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
1.1. Стилистические средства создания образности.....	9
1.1.1. Понятие образности художественного текста.....	10
1.1.2. Внутренняя форма слова как источник образности.....	14
1.1.3. Уровневая организация словесной образности.....	16
1.2. Тропы как средство художественной выразительности.....	22
1.3. Фигуры интертекста как вид художественной выразительности...	24
1.4. Понятие идиостиля. Стил ь Н.В. Гоголя и текстовые доминанты создания образов помещиков «Мертвых душ».....	27
Выводы.....	29
ГЛАВА II. ТЕКСТОВЫЕ ДОМИНАНТЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ПОМЕЩИКОВ ПОЭМЫ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»	
2.1. Общая качественно-количественная характеристика языковых средств, репрезентирующих героев.....	31
2.2. Текстовые доминанты образа Манилова.....	35
2.3. Текстовые доминанты образа Коробочки.....	42
2.4. Текстовые доминанты образа Ноздрева.....	49
2.5. Текстовые доминанты образа Собакевича.....	55
2.6. Текстовые доминанты образа Плюшкина.....	60
Выводы.....	65
ГЛАВА III. ИНВАРИАНТ ВОСПРИЯТИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН, ВОСХОДЯЩИХ К ПОЭМЕ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»	
3.1. Теоретические основы анализа функционирования	

прецедентных имён в русской лингвокультуре.....	67
3.2. Особенности функционирования прецедентного имени <i>Плюшкин</i>	74
3.3. Особенности функционирования прецедентного имени <i>Манилов</i>	78
3.4. Особенности функционирования прецедентного имени <i>Собакевич</i>	83
3.5. Особенности функционирования прецедентного имени <i>Ноздрев</i>	87
3.6. Особенности функционирования прецедентного имени <i>Коробочка</i>	90
Выводы.....	93
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	94
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	97
ПРИЛОЖЕНИЕ	106

ВВЕДЕНИЕ

Национальное лингвокультурологическое пространство характеризуется широко известным «диалогом культур»¹, реализующим себя посредством межтекстовых связей и отношений.

В настоящее время язык художественных произведений, публицистических статей, заметок, очерков и т.д. отличается обилием фигур интертекста (прецедентных феноменов), в связи с чем исследование проблем, связанных с данным явлением представляет колоссальный интерес для ученых-языковедов, сосредоточенных на решении актуальных вопросов таких смежных наук, как лингвокультурология и когнитивная лингвистика.

В проблематике культурно-языкового пространства понятие текст рассматривается как система неких кодов, хранящих «информацию об истории, этнографии, отношениях между людьми, национальной психологии, привычках и поведении нации, обо всем, что является содержанием культуры» [Павлова 2011: 12]. Текст в таком случае представляет собой многоценный объект лингвокультурного общества, в котором зафиксированы принципы того или иного мировосприятия.

Неоспоримая значимость текста как единицы языка и культуры проявляется и в его активной «жизнедеятельности»: текст способен проходить через время и пространство. В первую очередь это касается текстов классических художественных произведений, ввиду их актуального во все времена, неисчерпаемого материала для продукции новых коммуникативных единиц языка и речи.

Когда текст «отрывается» от источника-создателя и становится отдельной ментальной единицей национальной когнитивной базы, принято говорить о прецедентных текстах (ПТ) и генерированных данным текстом других прецедентных феноменах: прецедентных именах (ПИ), прецедентных

¹ Теория, разработанная М.М. Бахтиным

высказываниях (ПВ) и прецедентных ситуациях (ПС).

В настоящей работе мы рассматриваем прецедентные имена, восходящие к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души».

Поэма «Мёртвые души» является хрестоматийной: она входит в общеобразовательный курс школьной программы по литературе – без знакомства с галереей созданных автором образов помещиков сейчас, как и прежде, нельзя представить ни одного носителя русской культуры. Манилов, Коробочка, Ноздрев, Собакевич, Плюшкин – это цепь ярких и запоминающихся персонажей, характеризующих «всю Русь» Н.В. Гоголя и ставших прецедентными именами в русском коммуникативном сознании. Специфика их изображения в поэме обусловлена взаимосвязью «внешнее-внутреннее»: писатель использовал приём «овеществления героев», привлекая внимание читателей к внешней стороне их жизни. На эту особенность, как и на прочие, обращали внимание В.В. Виноградов, Ю.В. Манн, Г.А. Гуковский, М.М. Бахтин, составившие традицию гоголеведения, и современные исследователи: Т.К. Абдулаева, В.В. Инютин, Е.Н. Проскурина, С.Ю. Маурина, В.Ш. Кривонос и др.

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена неугасающим интересом к произведениям русской классической литературы и доказана интертекстуальным характером функционирования имён главных героев-помещиков, их нарицательностью.

В качестве **объекта** исследования выступает язык поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» и прецедентная представленность данного произведения в текстах русской лингвокультуры.

Предмет нашего исследования – изучение особенностей функционирования прецедентных имен, восходящих к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души».

Гипотеза исследования: прецедентность имен персонажей поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» обусловлена богатством языковых средств,

создающих образ героя как отдельный лингвокультурный феномен, функционирующий в различных контекстах, представляя собой при этом особый вид художественной выразительности.

Цель работы заключается в выявлении основных лингвостилистических особенностей гоголевского текста, способствующих прецедентности имён персонажей поэмы «Мёртвые души» и в отображении специфики функционирования данных прецедентных имен в различных контекстах.

Достижению поставленной цели способствуют следующие **задачи**:

- 1) определить круг вопросов, теоретически обосновывающих тему работы;
- 2) конкретизировать языковую составляющую понятия образности и её уровневую организацию;
- 3) описать состав стилистических средств создания образности;
- 4) выявить роль прецедентного имени как лингво-когнитивного явления в комплексе выразительных средств;
- 5) дать характеристику внутреннего мира помещиков на основе средств словесной выразительности и выявить текстовые доминанты создания образов помещиков, зафиксированные в русском коммуникативном сознании;
- 6) провести интертекстуальный анализ употребления имен помещиков вне сферы-источника;
- 7) выявить закономерности функционирования рассматриваемых прецедентных имен в современной лингвокультуре.

Научная новизна исследования заключается в попытке определить языковые механизмы порождения прецедентных имен со сферой-источником «Художественная литература». Кроме того, при анализе особенностей функционирования имён персонажей поэмы Н.В. Гоголя как прецедентных выявляется специфика полисемантичности данных прецедентных имен,

впервые подробно классифицируются «ведущие» и «сопутствующие» признаки отдельных прецедентных имён.

Материалом для исследования послужили «помещичьи» главы поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души», из которых методом сплошной выборки извлечено не менее 308 употреблений различных средств выразительности, а также тексты разных жанров и стилей, в которых зафиксировано употребление имён персонажей гоголевской поэмы (379 ед.)².

Для решения поставленных задач были использованы следующие **методы**: *индукции* (при рассмотрении изучаемого явления), *линейной выборки*, *классификации* и *абстрагирования*, *описательный* метод, *количественный*, *лингвостатистический метод* и метод *компонентного анализа*.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении представлений о прецедентном имени как о ключевом явлении современной лингвокультурной парадигмы. В работе определено ведущее значение составляющих прецедентного имени, подчеркивается узловая функция изобразительно-выразительных средств языка сферы-источника (в нашем случае при описании автором героев-помещиков) для формирования феномена прецедентности имен персонажей художественного произведения.

Практическая значимость состоит в возможности использования представленного в диссертации материала на занятиях по лингвокультурологии, когнитивной лингвистике и стилистике художественного текста, а также при составлении словарей прецедентных имен.

Теоретико-методологическую базу магистерской диссертации составили работы в области стилистики художественной речи (В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский, Б.А. Ларин, М.Ю. Лотман, И.П. Абдалян, М.Н. Кожина и др.), когнитивной лингвистики и

² Тексты обнаружены путём поисковой системы Национального корпуса русского языка (URL:<http://www.ruscorpora.ru>)

лингвокультурологии (Г.Г.Слышкин, Ю.С. Степанов, В.В. Красных, Н.Ф. Алефиренко, В.А. Маслова, В.Н. Телия и др.), исследования, посвященные теории интертекстуальности (И.И. Чумак-Жунь, В.П. Москвин, Н.А. Фатеева, Д.Б. Гудков и др.), фундаментальные положения о связи языка и мышления, языка и общества (А.А. Потебня, Ф. де Соссюр, М.М. Бахтин, А.А. Леонтьев, Л.С. Выготский и др.), исследования, направленные на изучение прецедентных феноменов (Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Косиченко, Г.Г. Слышкин и др.), а также работы, посвященные философии имени собственного (А.Ф. Лосев, Е.Ф. Косиченко, А.В. Суперанская) и исследования в сфере изучения метафоры (Н.Д. Арутюнова, В.П. Москвин, Е.И. Ефимов, В.В. Томашевский и др.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Важнейший критерий формирования прецедентности имени собственного литературного персонажа – изобразительно-выразительные средства художественного текста, не только характеризующие героя, но и создающие метафоричность его образа.

2. В описании каждого из героев-помещиков поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» наличествуют стилевые текстовые доминанты, формирующие впоследствии инвариант восприятия прецедентного имени.

3. Прецедентные имена, восходящие к тексту поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» полисемантичны и обладают богатым набором конкретизированных дифференциальных признаков.

4. Прецедентные имена со сферой-источником «Художественная литература» обладают специфическими по отношению к другим видам прецедентных имён особенностями функционирования. Инвариант восприятия данных прецедентных имен формируется посредством текстовых доминант художественного произведения. Литературные прецедентные

имена богаты «связанными»³ дифференциальными признаками, т.е. активно функционируют в союзе с другими прецедентными феноменами, соотносимыми с прецедентным именем.

Основные результаты исследования были **апробированы**:

- на X международном молодёжном научном форуме «Белгородский диалог-2018. Проблемы филологии, всеобщей и отечественной истории (г. Белгород, 18-20 апреля 2018 года);

- на II Всероссийской научной конференции «Карамзинские чтения» (г. Белгород, 15 декабря 2017 года);

- на Международном конкурсе научных работ студентов, магистрантов и аспирантов по русистике и славистике «Русский язык и этнокультурная динамика» (г. Белгород, 24-25 апреля 2017 года);

- на IX международном молодёжном научном форуме «Белгородский диалог-2017. Проблемы филологии, всеобщей и отечественной истории (г. Белгород, 19-21 апреля 2017 года);

По теме исследования опубликовано 5 научных статей.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 100 наименований и приложения.

³ Термин Е.К. Флейшер. «Основы прецедентности имени собственного».

ГЛАВА I. ОБРАЗНЫЕ СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ И СТИЛЬ ПИСАТЕЛЯ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Изучаемые нами прецедентные имена восходят к тексту художественной литературы – бессмертной поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души», языковые средства которой выражают идейно-тематическое содержание произведения в целом, а также формируют инвариант восприятия имен персонажей поэмы как прецедентных. Изучение языка художественного произведения с обозначенной выше точки зрения принадлежит к такому разделу лингвистической науки, как лингвостилистика художественного текста, в связи с чем закономерно обращение к теоретическим основам лингвистической стилистики, которое позволит детально проанализировать те богатые и многогранные образные средства, являющиеся источником прецедентности основных образов гоголевской поэмы.

1.1. Стилистические средства создания образности

1.1.1 Понятие образности художественного текста

Одним из самых сложных и неоднозначно толкуемых понятий лингвистической стилистики, без которого не может обойтись исследование художественного текста, является понятие образности. По мнению Н.С. Болотновой, – «образность – одно из основных качеств художественного текста, заключающееся в его способности выполнять эстетическую функцию, вызывая ответную эмоцию у адресата на основе восприятия художественного мира произведения, отражающего творческий замысел автора» [Болотнова 2008: 141]. Формирует представление о художественных образах образный код текста, о котором также писала Нина

Сергеевна. Именно образный код произведения проливает свет на писательский «почерк», то есть на его стиль. Вопрос об авторском стиле в преломлении к художественному образу неоднократно являлся предметом филологических исследований. Среди имен, чьи работы составили традицию отечественного изучения и анализа образности и связанного с ней понятия стиля писателя, необходимо назвать имена В.В. Виноградова, М.Ю. Лотмана, В.М. Жирмунского, Л.А. Новикова, А.М. Пешковского, Б.А. Ларина, Д.М. Поцепни и мн. др. Именно этими учеными были обоснованы и введены в науку принципы историзма, художественно-социальной мотивированности персонажей, единства триады (идейно-эстетического содержания произведения, жанрово-композиционной структуры, разбора изобразительных средств) и пр.

Исторически сложившееся понятие образности связано с его различными толкованиями. Наиболее распространенными в этом «диапазоне» взглядов являются понятия а) общей образности и б) образности, обращённой к тропам и/или фигурам. Первую позицию представлял А.М. Пешковский, который считал злоупотреблением относить слово «образ» только к лексико-семантическим (тропам) или лексико-синтаксическим (фигурам) речевым единицам. По наблюдению учёного, в рассказе Л.Н. Толстого «Кавказский пленник» представлена всего одна фигура речи при полном отсутствии тропов, что, однако, не является основанием для вытеснения данного произведения за рамки художественной литературы. По мнению А.М. Пешковского, неизбежная образность заключена в каждом слове, а не в одних только тропах и фигурах, последние только усиливают общую образность. В.В. Виноградов выделил структурный элемент «словесный образ», который реализуется в словесной ткани художественного текста из слов и посредством слов. Его уникальность заключается в том, что он «бывает разного строения. Он может состоять из слова, из абзаца, из главы литературного произведения. Но он всегда

является эстетически организованным элементом стиля литературного произведения» [Виноградов 1963: 94]. Такое понимание образности, заданное великими мыслителями отечественного языкознания, легло в основу всего лингвистического анализа художественной речи.

Л.А. Новиков, видный исследователь художественной речи, в работе «Художественный текст и его анализ», посвящённой рассмотрению произведений русской классической литературы, утверждал: «Наряду с рассмотрением общей образности текста существенную роль играет в этом анализе исследование «ключевых» тропов и фигур, используемых автором» [Новиков 2007: 25]. Далее ученый отмечает: «Каждый художественный текст характеризуется определёнными особенностями своей композиционно-стилистической структуры. Специфика организации и взаимодействия изобразительных средств текста как бы образует его «лицо», обнаруживая ведущий, доминирующий признак» [Новиков 2007: 30]. Именно детерминантный подход, целью которого является поиск «ключевых» слов, позволяет соединить «нити» всех языковых уровней текста и представить его как целостный в его эстетическом восприятии. Так, по мнению учёного, в стихотворении А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» роль ключевого словесного образа выполняет эпитет *нерукотворный*, вокруг которого организуется все творчество А.С. Пушкина. Далее, анализируя рассказ А.П. Чехова «Толстый и тонкий», Л.А. Новиков наблюдает за развитием намеченной в заголовке антитезы в речи героев, и выделяет ключевое слово *дослужился*, являющееся «композиционной вехой» в молниеносном развитии действия – сравнении служебных положений толстого и тонкого и печальную тональность исхода вопреки радостной встрече бывших школьных товарищей [Новиков 2007: 136-141].

Аналитический подход к изучению экспрессивности художественного текста, основанный на коммуникативном взаимодействии писателя и читателя, отражён в работе В.А. Масловой «Лингвистический анализ

экспрессивности художественного текста». Автор уверена, что коммуникативная природа и прагматическое воздействие изобразительности влияют на эмоциональное состояние читателя, секрет подобного воздействия она ищет в экспрессивном средстве, в этой некой «сжатой энергии выражения» [Маслова 1997: 75].

Несколько иной, хотя также апеллирующий к словесному образу, подход предпринят исследователями Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казариным в работе «Лингвистический анализ художественного текста». Отличительной особенностью рассмотрения текстов являются дополнения анализа «экстралингвистическим комментарием и жанрово-стилевыми характеристиками» [Бабенко, Казарин 2003: 11]. Однако в процессе анализа учёные обращаются не только к аспектам жанра и стиля, далее находим: «...Отобразив действительность, художник обнаруживает себя, и наоборот, выражая свои думы и чаяния, он отображает мир и себя в мире» [Там же: 50]. Такое «двустороннее» изучение художественного текста, учитывающее в его анализе и личностные особенности автора, и дискурсивные характеристики, представляется наиболее объективным.

Современные ученые посвящают свои исследования широкому спектру вопросов, связанных с образными средствами художественного текста, расширяя их состав за счёт развития новых направлений в науке. Исторически сложилось, что «стилистика рассматривает образность речи как особую стилевую черту, которая получает наиболее полное выражение в языке художественной литературы. Попадая в художественный контекст, слово включается в сложную образную систему произведения и неизменно выполняет эстетическую функцию», – пишет И.Б. Голуб [URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/part-014.htm>]. Здесь важно понимать, что образность соотносится с художественным словом. Так, в работах по стилистике и поэтике Э.С. Азнауровой («Очерки по стилистике слова») и В.П. Григорьева («Поэтика слова») образность соотносится с семантической

структурой слова, с эмоциональностью, экспрессивностью, оценочностью.

Вместе с тем когнитивная лингвистика, сформировавшаяся как наука в конце XX столетия и получившая широкое распространение в начале XXI века, и одно из её центральных понятий – когнитивная база – сделали возможным в контексте образности исследование прецедентных феноменов (имён, ситуаций, текстов, высказываний) в контексте образности. Выводимая таким образом интертекстуальность освещена в работах В.В. Красных, Д.Б. Гудкова, О.Е. Фроловой, И.И. Чумак-Жунь, Е.Г. Озеровой и др. Расширился и набор средств в исследовании стиля писателя. Помимо упомянутой интертекстуальности, в качестве альтернативы индивидуально-авторского стиля, или идиостиля, были введены понятия индивидуально-авторской картины мира, авторского концепта. Часто подобные работы посвящены анализу лексического и лексико-семантического уровней, в то время как нельзя отрицать тот факт, что, скажем, имя литературного героя как прецедентный феномен, создаётся и средствами других языковых ярусов, то есть различными стилистическими средствами образности.

Образные средства художественной речи весьма разно- и многообразны. Их количественный и качественный состав определяется в зависимости от «узкой» и «широкой» точек зрения. Множество работ, посвященных анализу и интерпретации художественного текста, оперируют единицами всех ярусов языка: от фонетического до синтаксического. Как правило, говоря об образности вообще, подразумевают единый комплекс тропов и фигур, саму же «границу», пролегающую между двумя понятиями «тропы» и «фигуры», определяет слово, обращённое к своей внутренней форме и семантике, в противовес слову, ориентированному к грамматической системе и ближайшему окружению.

1.1.2. Внутренняя форма слова как источник образности

Понятие «внутренняя форма слова» введено в лингвистическую науку А.А. Потебнёй. Актуальность данного вопроса обусловлена ассоциативной

связью слова как производной единицы со значением единицы производящей. Внутренняя форма нередко становится «призмой, через которую совершается миропонимание» [Постовалова 1988: 55]. Она может быть прозрачной и «завуалированной». «Прозрачная внутренняя форма, – как отмечает Д.Н. Шмелев, – обеспечивает ему достаточную смысловую определённость» [Шмелев 1973: 200]. К примеру, слова *подснежник*, *снегирь*, *кукушка*, *чернила* мотивированы производящими их лексемами: *снег*, звук, издаваемый птицей («ку-ку»). «Раскрытием» лексем с «завуалированной» внутренней формой занимается этимология. Современное понимание внутренней формы слова, по мнению М.В. Беззубиковой, сводится к четырём позициям: «семантическая мотивированность» (В.Ф. Варина), «морфо-семантическая структура слова» (О.И. Блинова), «эпидигматический компонент» (Н.Ф. Алефиренко), «деривационная память слова или сочетания слов» (В.Н. Телия) [Беззубикова 2008: 26].

В стилистике под внутренней формой понимается образность лексической единицы при наличии соответствующего контекста, раскрывающего её смысл. Д.Н. Шмелёв пишет: «В ряде случаев раскрытие этимологической формы слова производится намеренно для экспрессивного подчёркивания каких-то сторон значения или намеренного его смещения» [Шмелев 2008: 203]. Таким образом, в тексте приобретает значение не только внутренняя форма слова, обнаруживающая некий идейный смысл произведения, но и «народная», или «авторская», этимология. Д.Н. Шмелёв приводит примеры «вторжения «звуковой формы» слова в его содержание», где в речи персонажей художественных произведений сближаются слова *чайка* и *чай*, *ужас* и *уж* и пр., сочетание *соломенная вдова* становится понятным, исходя из объяснения «воспламеняется легко, как солома» [Шмелёв 2008: 197-205]. Многократным обращением к художественным произведениям учёный подчёркивает: внутренняя форма слова, его

мотивированность в художественном произведении несёт в себе отпечаток авторского замысла⁴.

В поэме «Мёртвые души» Н.В. Гоголь не раз апеллирует внутренней формой слова, например, в изображении помещика Собакевича, схожего с медведем: *«Для довершения сходства фрак на нем был совершенно медвежьего цвета, рукава длинны, панталоны длинны, ступнями ступал он и вкривь и вкось и наступал беспрестанно на чужие ноги»* [Гоголь 1951: 95]. Медвежий цвет восходит к бурому окрасу медведя, так усиливается образное тождество героя с животным. Животный же характер помещика, лишённого человеческой души, подчеркивает и само имя – Собакевич, мотивированное существительным *собака*. Так, совокупность «нечеловеческих» описательных характеристик, создаваемых внутренней формой слова, передаёт «мёртвость» души гоголевского героя.

1.1.3. Уровневая организация словесной образности

Видовое количество образных, или изобразительно-выразительных средств, чрезвычайно велико. Их наиболее полные списки приведены в теоретических работах по стилистике В.П. Москвина, И.Б. Голуб, М.Н. Кожинной и др. Однако все виды словесной образности (ресурсы речи) подчинены принципу уровневой языковой организации. Обратимся к весьма краткому рассмотрению основных видов, указав их разновидности, исторически сложившиеся точки зрения относительно классификационных принципов и структуры.

Фонетические средства образности. К фонетическим средствам образности, как правило, принято относить ассонанс, аллитерацию, звукопись. Звуковой образ, или звукообраз, — звуковое явление, описанное посредством звуковых повторов, применение таких повторов — звукопись

⁴ Самым подробным образом в работе «Стилистика русского языка. Теоретический курс» В.П.Москвин рассматривает спектр вопросов, связанных с «ложной этимологизацией», где он описывает и функции, и техники подобного этимологизирования [Москвин 2006: 224-242].

[Москвин 527]. Так, повторяющимися звуками можно передать раскаты грома: «*Люблю грозу в начале мая, / Когда весенний, первый гром, / Как бы резвяся и играя, / Грохочет в небе голубом*» (Ф.И.Тютчев) и др. Фонетические средства создания образности наиболее характерны для поэтической речи, но не только. Например, в поэме Н.В.Гоголя «Мёртвые души» в речи помещика Ноздрева часто повторяются звуки [р] и [р']: «*Экое счастье! экое счастье! вон: так и колотит! вот та проклятая девятка, на которой я всё просадил! Чувствовал, что продаст, да уже, зажмурив глаза, думаю себе: „Чёрт тебя побери, продавай, проклятая!“*» [Гоголь 1951: 81] (звук выделен нами – А.Т.). Аллитерация как разновидность фонетических средств воспроизводит здесь чрезвычайную бодрость духа героя, его задор, лихость.

Словообразовательные средства. М.Н. Кожина, открывая раздел стилистических ресурсов синонимией суффиксов, описывает также и явления стилистических ресурсов, имеющих экспрессивные оттенки, и приводит в качестве иллюстрации ряд словообразовательных элементов, к примеру, пара слов *добрый* — *предобрый* с приставкой *пре-* во втором случае и т. д. [Кожина 2008: 243]. Подобных элементов (не только приставочных, но и суффиксальных) учёный приводит большое количество с подробной характеристикой стилистических и семантических отличий. Сердцевину же стилистического множества, по её мнению, составляют суффиксы и префиксы с субъективной оценкой. «Оттенок уменьшительности обычно сопровождается экспрессией ласкательности, реже – шутливости, ироничности, оттенок увеличительности – экспрессией грубости, пренебрежения, неодобрения, иронии, а также восхищения» [Кожина 2008: 242]. Подобные случаи характерны и для художественной, и для публицистической, и для разговорной речи. Так, в поэме Н.В.Гоголя встречаем фрагмент, ставший впоследствии прецедентным, содержащий сразу несколько лексем-диминутивов, причем писатель в изображении героев

иронизирует над ними (героями), используя данное средство. Автор так описывает взаимоотношения помещика Манилова со своей женой: *«Несмотря на то, что минуло более восьми лет их супружеству, из них все еще каждый приносил другому или кусочек яблочка, или конфетку, или орешек и говорил трогательно-нежным голосом, выражавшим совершенную любовь: «Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек». — Само собою разумеется, что ротик раскрывался при этом случае очень грациозно»* [Гоголь 1951: 26-27].

Лексические средства образности. Данный вид образности характеризуется огромным видовым количеством ресурсов. Это и синонимия (семантическая, стилистическая, семантико-стилистическая, контекстуальная), антонимия, паронимия, эвфемизмы, лексические повторы, лексика эмоционально-экспрессивно окрашенная, в которой содержится оценка говорящего (*разиня, выдворить*), лексика книжная и разговорная, лексика функционально-стилистически окрашенная, закреплённая за одним из функциональных стилей. Художественная речь, как отмечает М.Н. Кожина, имеет свой наиболее употребимый «круг» слов, не характерный для других стилей. Однако он невелик, по традиции, сложившейся ещё в XVIII веке, слова *лира, венец, очи, ланиты, дивный, чудный, прелестный* и др. ассоциируются с художественной речью [Кожина 2008: 230]. Однако современные тексты в малом количестве используют данную лексику. В поэме Н.В. Гоголя множество раз используются лексемы, которые с точки зрения современного читателя воспринимаются как устаревшие, в то время как в момент создания поэмы они были весьма органичны. Так, **семантические архаизмы** *комиссия* и *крепость* употреблены в значениях *щекотливое положение* и *документ, подтверждающий куплю-продажу*: [Чичиков Ноздреву] *«Я задумал жениться; но нужно тебе знать, что отец и мать невесты преамбициозные люди. Такая, право, комиссия: не рад, что связался; хотят*

непрерывно, чтобы у жениха было никак не меньше трех сот душ, а так как у меня целых почти полутора ста крестьян недостает...» [Гоголь 1951: 79], [Чичиков Коробочке] «...Я принимаю на себя все повинности. Я совершу даже **крепость** на свои деньги, понимаете ли вы это?» [Гоголь 1951: 52]. Кроме того, употребляются в поэме и **историзмы**, например, сочетание *ревизская сказка*, выступавшее в значении *документ, отражающий результат проведения ревизии*: [Чичиков Манилову] «Но позвольте прежде одну просьбу», – проговорил он голосом, в котором отдалось какое-то странное, или почти странное, выражение, и вслед за тем, неизвестно отчего, оглянулся назад. Манилов тоже, неизвестно отчего, оглянулся назад – Как давно вы изволили подавать **ревизскую сказку?**» [Гоголь 1951: 32]. Нами отмечены и некоторые **фразеологизмы**, отличающиеся историческим характером употребления. Выражение *быть на короткой (дружеской) ноге*, представляющее собой кальку с французского языка и имевшее значение *иметь приятельские, фамильярные отношения* [Бирих, Мокиенко, Степанова 2001: 406], сейчас малоупотребим, однако литература XIX века передаёт актуальное для того времени значение: «Чичиков узнал Ноздрева, того самого, с которым он вместе обедал у прокурора и который с ним в несколько минут сошелся **на такую короткую ногу**, что начал уже говорить ты, хотя, впрочем, он с своей стороны не подал к тому никакого повода» [Гоголь 1951: 64]. Встречаются в поэме и авторские слова, или **окказионализмы**. Так, Н.В.Гоголем от лексемы *животрепецущий* образован глагол *животрепетать*: «...Нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и **животрепетало**, как метко сказанное русское слово» [Гоголь 1951: 109].

Как черту, присущую художественной речи, учёные отмечают и наличие в текстах имён прилагательных, обозначающих цвета и оттенки цветов, или **колоративы**. В поэме Н.В. Гоголя «Мёртвые души» один и тот же цвет может реализовать разные коннотации. Например, белый цвет при

характеристике помещика Ноздрева выступает средством создания контраста как основной черты его натуры: «*Это был среднего роста, очень недурно сложенный молодец с полными румяными щеками, с белыми, как снег, зубами и черными, как смоль, бакенбардами*» [Гоголь 1951: 67]. Между тем в описании сада помещика Плюшкина колоратив, или цветное прилагательное, *белый* реализует значение чистоты и связано с надеждой на спасение его души, задавленной разбушевавшимися пороками: «*Белый колоссальный ствол березы, лишенный верхушки, отломленной бурей или грозой, подымался из этой зеленой гущи и круглился на воздухе, как правильная мраморная, сверкающая колонна*» [Гоголь 1951: 112-113]. Подобные примеры употребления цветных прилагательных в художественной речи собраны В.К. Харченко и обобщены ею в работе «Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское» (Москва, 2009).

Морфологические средства образности. М.Н. Кожина говорит об употреблении форм различных частей речи, даже категории рода, числа также несут свой образный смысл (например, *Всем смертям назло*. К.Симонов употреблением такой формы усиливает значение борьбы за жизнь). Такой взгляд на все части речи, безусловно, согласуется с теорией общей образности А.М. Пешковского. Здесь имеет значение, к примеру, употребление краткой или полной формы, сравним: *Человек болен* или *Человек больной*, краткая форма *болен* передаёт временное состояние болезни, тогда как второй вариант констатирует её длительность или постоянный характер, краткая форма несёт в себе и относительную мягкость в предложении типа: «*Оля, ты зла*» вместо «*Оля, ты злая*». Любая форма слова, часть речи несёт в себе определённый смысл, данное утверждение касается всех частей речи, включая служебные и местоимения. Особенно велики их возможности в художественной речи.

В поэме Н.В. Гоголя, безусловно, присутствуют морфологические средства выразительности. Необычайную живость характера Ноздрева

передают повторяющиеся **междометия**, передающие открытую радость, удивление от неожиданной встречи нового друга: *«Ба, ба, ба! – вскричал он вдруг, расставив обе руки при виде Чичикова. – Какими судьбами?»* [Гоголь 1951: 64]. Помещик Манилов, первый в галерее гоголевских персонажей, изображён автором посредством **прилагательных в форме простой превосходной степени**: *«Когда приказчик говорил: «Хорошо бы, барин то и то сделать», «Да, недурно», – отвечал он обыкновенно, куря трубку, которую курить сделал привычку, когда еще служил в армии, где считался скромнейшим, деликатнейшим и образованнейшим офицером...»* [Гоголь 1951: 25]. Таким образом, автор концентрирует внимание читателя на главных характеристиках героя.

Особенно активны в поэме местоимения, как правило, неопределённые и определительные: *несколько, известный, определённым образом, какой-то, что-нибудь* и пр. Например, *«Чичиков еще раз окинул комнату и всё, что в ней ни было, — всё было прочно, неуклюже в высочайшей степени и имело какое-то странное сходство с самим хозяином дома...»* [Гоголь 1951: 56], *«Впрочем, Чичиков напрасно сердился: иной и почтенный, и государственный даже человек, а на деле выходит совершенная Коробочка»* [Гоголь 1951: 53]. Представляется, что местоимения, лишённые конкретных семантических свойств, таким образом помогают автору достичь типизации созданных ими персонажей.

Синтаксические средства образности (фигуры). Наиболее многочисленная группа, в классификации которой, однако, со времён античности нет единства исследовательских позиций. Так, М.Л. Гаспаров включал в состав фигур и тропы, называя их «фигурами переосмысления», сами фигуры, т. е. лексико-синтаксические средства, делятся то на две группы (фигуры слова и фигуры мысли), то на четыре (фигуры убавления, прибавления, замены, перестановки). Наиболее распространёнными видами фигур речи считаются: синтаксический параллелизм, инверсия, анафора,

эпифора, эллипсис, бессоюзие, многосоюзие, градация, однородные члены предложения и др.

Поэма Н.В. Гоголя также отличается использованием различных фигур речи. Так, диалог Чичикова и Манилова содержит анафору, которая передаёт крайнюю степень деликатности помещика и желание угодить хозяину его гостя:

«– Позвольте вас попросить расположиться в этих креслах, – сказал Манилов. – Здесь вам будет попокойнее.

– Позвольте, я сяду на стуле.

– Позвольте вам этого не позволить, – сказал Манилов с улыбкою. – Это кресло у меня уж ассигновано для гостя: ради или не ради, но должны сесть.

Чичиков сел.

– Позвольте мне вас попотчевать трубочкою» [Гоголь 1951: 32].

Однако более употребимы в тексте поэмы однородные члены предложения, воспроизводящие в деталях все особенности природы, быта, усадьбы и сада каждого из героев: *«Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад, выходивший за село и потом пропадавший в поле, заросший и заглохлый, казалось, один освежал эту обширную деревню и один был вполне живописен в своем картинном опустении»* [Гоголь 1951: 113].

М.Н. Кожина, кроме упомянутых видов, в рамках синтаксического подхода к данному виду образности причисляет и саму структуру предложений (простое, сложное, типы усложняющих простое предложение структур) [Кожина 2008: 263-277]. Думается, такое сочетание учета структурной характеристики предложения и его внутренней организации является наиболее полным.

1.2. Тропы как средство художественной выразительности

К тропам, лексико-семантическим средствам образности, часто относят

сравнение, метафору, эпитет, метонимию, синекдоху и др. Исследователи отмечают большое количество работ по данному виду изобразительности, особенно много их посвящено метафоре. Действительно, работы Н.Ф. Алефиренко, Н.Д. Арутюновой, Г.Н. Складневской, В.К. Харченко и мн.др. характеризуют этот вид образности с различных сторон, выявляя её свойства и особенности. Другие средства описаны в меньшей степени, однако недостатка внимания к ним в исследовательской практике нет.

Ввиду сложности и многоплановости каждого из средств, как наиболее часто встречающийся в художественной речи вид тропов охарактеризуем сравнение. Сравнение является не только наиболее употребительным, но и наиболее «продуктивным» образным средством: на основе него созданы метафора (её ещё называют «скрытым» сравнением), метафорический эпитет и олицетворение (в которых также легко восстанавливается элемент «как бы», например, *сладкий голос*, т. е. голос настолько приятен, что напоминает сладкий, приятный вкус; *злой ветер*, т. е. холодный, сильный, словно злой).

Среди исследований, посвященных изучению структуры, функций и типов сравнений в текстах различных стилей следует отметить работы Р.А. Будагова, А.И. Ефимова, Б.В. Томашевского и др. Выделяют следующие конструктивные элементы данного средства выразительности:

- субъект сравнения (то, что сравнивается);
- объект сравнения (то, с чем сравнивается);
- признак (основание для сравнения) [Ефимов, 1969: 95].

Б.В. Томашевский для обозначения составляющих сравнения апеллирует такими терминами, как **предмет** сравнения и **образ**. Ученый отмечает наличие различной степени развития элементов сравнения, в связи с чем отмечает следующие его разновидности:

- краткий предмет и лаконичный образ;
- многословный предмет и лаконичный образ;
- краткий предмет и развитый образ (может состоять из нескольких

предложений) [Томашевский 1983: 288].

По способам выражения сравнений в науке различают:

- оборот со сравнительными союзами *как, будто, точно*;
 - сравнительные придаточные предложения, прикрепляемые к главному союзом *как, всё равно что, подобно тому как, чем* и т.д.;
 - сравнения, выраженные формой творительного падежа;
 - сравнения, выраженные формой родительного падежа;
 - сравнительные конструкции со словами *похожий, подобный*
- [Ефимов 1969: 104].

Сравнения являются константой художественной речи, путём сопоставления они создают особый образный мир и передают авторский стиль.

1.3. Фигуры интертекста как вид художественной выразительности

В последнее время учеными, в частности, В.П. Москвиным, выделяется и такая группа средств, как фигуры интертекста, к числу которых он относит аллюзию, реминисценцию, прецедентные феномены [Москвин 2006: 202-218].

Интертекст – это такой ряд текстов, который присутствует в памяти получателя и проявляет себя при восприятии текста, осмысляя и влияя на его интерпретацию. Так, Чумак-Жунь И.И. отмечает: «Новый текст, диалогически реагирующий на другой текст (претекст), может задавать ему любую новую смысловую перспективу: дополнять, избирательно выдвигать на первый план отдельные актуальные смыслы, трансформировать их, исходя из художественного замысла автора, вплоть до разрушения первичной смысловой системы» [Чумак-Жунь 2013: 65]. Показателями интертекстуальности для читателя являются прецедентные феномены: вербальные (прецедентное имя и прецедентное высказывание) и вербализуемые (прецедентный текст и прецедентная ситуация).

«Прецедентные феномены – это феномены 1) хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [Красных 1998: 52].

Среди названных типов прецедентных феноменов (прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, прецедентное имя) в градации интертекстуальных фигур наиболее значимыми являются **прецедентные имена**.

Денотатом этого «компактного» прецедентного феномена является *квазиличность* – «личность вне связи с конкретным, реально существующим индивидом, но присутствующая в сознании других людей подобно реальной личности» [Чумак-Жунь 2006: 319]. Квазиличность может быть влиять на других личностей в обществе не меньше, а иногда и больше, чем реально существующие люди: на них равняются, их поведение копируют, о них пишут в художественных текстах, их изображают на полотнах картин, они могут стать образцом существования для целых поколений. Квазиличностями являются мифологические и религиозные образы (боги и герои), в которых верят, поклоняются и т.п. Примером квазиличности может быть в том числе и литературный персонаж, если его значение выходит за рамки сюжета произведения. В таком случае он начинает жить как бы самостоятельной жизнью, появляясь в произведениях поэтов и писателей [Чумак-Жунь 2006: 319-320].

Квазиличности как культурные константы образуют отдельные понятийные области в ментальном сознании. Для русского коммуникативного сознания характерны такие культурные концепты-квазиличности, как *Христос, Дон-Жуан, Дон Кихот, Обломов, Гамлет, Анна Каренина, Плюшкин, Коробочка, Ноздрев* и т.д.

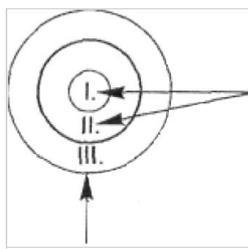
Итак, прецедентное имя включается в число лингво-когнитивных

феноменов, составляющих общую базу для всех носителей языка и языковой культуры, и имеет следующие особенности: он соотнесен с квазиличностью, в ментальном сознании образует понятийную область, вербально представленный прецедентным именем.

Как утверждают исследователи, в когнитивной базе хранится, во-первых, сам вербальный феномен (в нашем случае прецедентное имя); во-вторых, то, что за ним стоит и что, собственно, и делает его прецедентным, т. е. совокупность дифференциальных признаков и атрибутов.

В.В. Красных отмечает, что прецедентное имя имеет определенную структуру: ядро инварианта восприятия прецедентного имени составляют дифференциальные признаки, периферию – атрибуты (см. рис. 1, Красных 2002: 80).

Рис. 1. Структура прецедентного имени

Инвариант восприятия прецедентного имени:

I. Дифференциальные признаки:

- 1) внешность;
- 2) характер;

3) прецедентная ситуация.

II. Атрибуты.

III. Потенциально возможные индивидуальные представления и знания о прецедентном имени.

В.В. Красных считает, что дифференциальные признаки составляют сложную систему характеристик, отличающих данный предмет от ему подобных. Система таких дифференциальных признаков прецедентного имени обладает многоуровневой структурой. Дифференциальные признаки прецедентного имени могут (см. рис. 1) включать характеристику предмета: (по внешности, по чертам характера, актуализироваться через прецедентную ситуацию и т.д.). Определить и привести точный и полный «список» элементов, составляющих дифференциальные признаки того или иного

прецедентного имени почти невозможно [И.В. Захаренко, В.В. Красных 1997: 89].

Таким образом, лингвистическая стилистика художественного текста располагает значительным составом словесной образности, поэтому важно сосредоточить внимание на изучаемом тексте, чтобы определить, как образность проявляет личность автора.

1.4. Понятие идиостиля. Стиль Н.В. Гоголя и текстовые доминанты создания образов помещиков «Мертвых душ»

Понятие стиля чрезвычайно широко, собственно лингвистическое представление о нём характеризуется наличием пяти составляющих, которые и приводит видный российский языковед Ю.С. Степанов [Степанов 2002: 494]. В общем виде они могут быть сформулированы следующим образом:

- 1) разновидность языка, закреплённая традицией (высокий стиль, нейтральный, низкий);
- 2) функциональный стиль (художественный, публицистический и пр.);
- 3) общепринятая манера (лекция, судебная речь и пр.);
- 4) индивидуальная манера (стиль Лермонтова);
- 5) языковая парадигма эпохи (стиль первой половины XVIII века).

Все эти значения полисеманта *стиль* имеют инвариантный признак — признак отбора и комбинации языковых средств. Стилистика в целом развивается в нескольких направлениях: стилистика ресурсов (изобразительно-выразительных языковых возможностей), функциональная стилистика (связана с функциональными стилями языка), стилистика текста (характерно доминирование текстовых категорий и структур), стилистика художественной речи (её частные виды: коммуникативная, когнитивная стилистика художественной речи), практическая стилистика, ориентированная на самый широкий круг владеющих языком и преследующая цель усвоения норм и закономерностей. Четвёртое из

перечисленных значений полисеманта *стиль* в рамках стилистики художественной речи представляет для нас особый интерес, обусловленный целью и задачами исследования, среди которых особое место занимает понятие авторской манеры.

Особенности стиля и языка Н.В. Гоголя не раз освещались в исследовательской практике и представлены именами В.В. Виноградова, М.М. Бахтина, Ю.В. Никаноровой, С.И. Машинским, Е.А. Смирновой, К. Мочульским и мн. др. Все они, и в первую очередь В.В. Виноградов, отмечают значение творчества Н.В. Гоголя в русской литературе: «Все глубже вникая в общенародный русский язык, в разные этапы и стили, наблюдая в нем «все переходы и встречи противоположностей» и «свойства» русского языка, Гоголь еще более и еще далее, чем Пушкин, раздвинул границы русского национально-литературного языка и старался показать всю ширь пространства в языке художественной-литературы» [Виноградов В.В. 2003: 63].

Индивидуальная стилевая манера, или идиостиль, занимает умы исследователей на протяжении десятилетий. Традиция изучения стилей различных писателей представлена в работах В.В. Виноградова, В.А. Пищальниковой, В.П. Григорьева, Л.А. Новикова и др.

В.А. Пищальникова рассматривает идиостиль как целостную систему, возникающую «вследствие применения своеобразных принципов отбора, комбинирования и мотивированного использования элементов языка» [Цит. по Черчышева 2010: 30]

Исследование идиостиля обозначает установление авторского предпочтения при отборе и использовании тех или иных средств, то есть предполагает обнаружение текстовых доминант.

Каждое языковое средство в тексте работает на индивидуально-авторский замысел, но не все словоупотребления, синтаксические конструкции и т.п. есть текстовая доминанта. Последняя представляет собой

комбинацию языковых элементов, которые «разгадываются» реципиентом в процессе восприятия текста как сигналы определенных доминантных качеств данного текста» [Чернявская 2014: 142].

К способам выдвижения текстовых доминант относят:

1. Отражение авторского замысла в сильных текстовых позициях (эпиграф, заглавие, лирическое отступление и т.д.)
2. Качественное и количественное превалирование тех или иных языковых явлений (господство определенных звуковых, лексических, морфологических, синтаксических единиц языка).
3. Употребление индивидуально-авторских стилистических средств языка [Л.С. Чечулина 2012:62].

В тексте Н.В. Гоголя присутствуют все обозначенные способы выдвижения текстовых доминант, но ключевым для формирования инварианта восприятия прецедентных имен, восходящих к поэме «Мертвые души» становится второй способ. Текстовые доминанты выстраивают ядро художественного образа, генерируют специфику читательского восприятия.

В описании каждого из помещиков среди множества языковых единиц, выстраивающих целостный образ, можно выделить отдельные текстовые доминанты, причем последние вычленимы для всех структурных компонентов изображения (внешность, характер, речь, окружение).

ВЫВОДЫ

1. Лингвистическая стилистика художественного текста как самостоятельная наука, образовавшаяся на «стыке» прочих предметных областей, располагает исторически сложившимися базовыми понятиями и традициями. В их число входит и теория общей образности А.М. Пешковского, позволяющая всматриваться в каждое авторское слово с целью поиска в нём идейного содержания, писательского стиля.
2. Богатый арсенал лингвостилистики художественного текста

составляют различные образные средства, которые соотносимы со всеми языковыми ярусами: от фонетического до синтаксического. Важное новшество последнего времени в классификационной системе образных средств – включение фигур интертекста.

3. В комбинаторике языковых средств заключается стиль писателя, индивидуальные особенности его творческого мышления. Идейные «сплетения» языковых средств есть текстовые доминанты, которые наглядно работают на индивидуально-авторский замысел.

4. Стилевая манера Н.В. Гоголя — область изученная и освещённая в науке, однако представляется важным проследить, как отдельные стилевые характеристики реализовались в образном описании героев-помещиков, какие текстовые доминанты способствовали формированию их прецедентности в русской лингвокультуре.

ГЛАВА II. ТЕКСТОВЫЕ ДОМИНАНТЫ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ПОМЕЩИКОВ ПОЭМЫ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Прецедентное имя широко известно носителям языка, оно является частью лингвокультуры. Литературные герои поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» занимают важное место в русском коммуникативном сознании, и способствуют этому языковые средства, в том числе и образные, посредством которых автор создаёт, «воплощает их в жизнь». Персонажи поэмы объединены идеей духовной деградации и во многом схожи, однако есть у них и индивидуальные черты, которым соответствуют яркие языковые образы.

2.1. Общая качественно-количественная характеристика языковых средств, репрезентирующих героев

Национальное языковое сознание представляет собой явление сложное и многомерное. Е.Ф. Тарасов определяет его как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств», в состав же самих средств, по мысли учёного, наряду с прочими уровневыми единицами языка и речи входят тексты [Тарасов 2000: 26]. Безусловно, особое значение в раскрытии свойств русского языкового сознания имеют тексты классической литературы (в том числе и произведения Н.В. Гоголя), так как они являются «хранителями культурных смыслов», «сокровищницей ментальности» русского человека.

Язык поэмы «Мёртвые души» удивителен, он точно и ярко воссоздаёт образы помещиков, последовательность которых определяется градацией бездуховности. Манилов, Коробочка, Ноздрев, Собакевич, Плюшкин типизированы автором, и в то же время заключают в себе яркую индивидуальность. Они являют собой отражение «внутреннего во внешнем», другими словами, посредством внешних характеристик Н.В. Гоголь

передавал характер, мировоззренческие установки, отношение к окружающему миру и себе, нравственные ценности, чувства, способности. Поэтому, чтобы понять внутренний мир данных литературных персонажей, необходим тщательный анализ языковых средств.

Следует заметить, что свойства и качества героя, как правило, автором не описываются прямо, правда, они присутствуют в репрезентации образа Ноздрева («юркость и бойкость характера») – данная характеристика является невычленимой в отдельности, она «растворена» в языке описаний.

Переходя к эмпирическому анализу языковых характеристик, отражающих личность литературного героя, отметим, что прецедентное имя восходит к **имени собственному** как таковому, которое представляет собой эквивалент самого именуемого, выражает его суть или отличительные особенности, иногда судьбу. В лингвокультуре исторически само знание имени предоставляло власть над его носителем. Как отмечает Н.Н. Рогалевич, автор-составитель «Словаря символов и знаков», в связи с этим истинные имена держали в секрете или заменяли условными наименованиями. Забвение имени означало утрату самого себя. В средневековой традиции считалось, что если имена присвоены вещам, чтобы отражать их природу, то можно познать природу вещей, выяснив первоначальный смысл называющих их слов. Так этимология стала способом объяснения всего сущего на земле [Рогалевич 2004: 150-152]. В художественном тексте имя собственное восходит к авторской идее и является мотивированным ею. Главная особенность онимов, функционирующих в художественном тексте, по мнению Г.В. Косиченко, заключается в том, что они участвуют в процессах «текстообразования и смыслоформирования» [Косиченко 2014: 118]. Другой исследователь, О.О. Колодин, считает, что оним представляет собой «текст-свёртку» и даёт возможность автору использовать дополнительные языковые резервы [Колодин 2010: 106].

Окружение помещиков составляют их усадьбы, убранство комнат, дома в целом, его внешний вид и качество. Немаловажное значение в системе словесной образности поэмы имеют цветообозначения, поскольку они несут в себе отпечаток личности героя, его настроения, внутреннего состояния. Подчас цветовое решение способно изменить тональность изображаемых событий. Под колоративами мы понимаем слова любых частей речи, содержащих в своём значении компонент *цвет*.

- Манилов: *белокурый, голубой, желтоватый, жёлтый, голубенький, серенький, зелёный, зелень, светло-серый, скучно-синеватый.*
- Ноздрев: *белый, черный, черноухий, сероухий, муругий, полово-пегий, муруго-пегий, красно-пегий.*
- Собакевич: *медвежий, красный, белый, чёрный, темный, светлый, калёный, горячий.*
- Плюшкин: *зелёный, красный, пожелтевший, белый, бронзовый, желтенький, мраморный, седой, огненный, перламутный, почерневший.*

Нетрудно заметить, что только описание женского образа, Коробочки, не имеет цветового решения, что тоже, на наш взгляд, проникнуто авторской идеей «мёртвости» старой помещицы.

Внешность, портрет литературного героя, создаваемый разнообразными лингвостилистическими средствами, особенно в сатирическом произведении, весьма ёмки и насыщены. Соматическая лексика, обозначающая части тела, используется в словесном портретировании и описании внешности и, как отмечает О.В. Старых, является одной из универсальных лексических групп, она наиболее употребима, потому что сам человек издревле сопоставлял и отождествлял себя, части своего тела с внешним миром [Старых 2011: 80]. Соматическая лексика представляет собой особый тематический класс имён существительных и, как правило, характеризуется, по общему мнению исследователей, нейтральной стилистической окраской, поэтому в условиях

художественного текста особое значение приобретает авторский замысел, экспрессия, вкладываемые в описание героя.

В тексте Н.В. Гоголя «Мёртвые души», нами зафиксировано 10 субстантивов с соматической семантикой: *лицо, нос, губы, щёка, подбородок, глаз, глазок, зуб, нога, спина*. Как правило, являясь предметом, денотатом, они «погружены» в образный контекст и непосредственно сами не выполняют экспрессивную функцию, а несут в себе описательно-изобразительные возможности. Словесное портретирование персонажей производится Н.В. Гоголем с разной степенью полноты. Так, помещик Манилов изображён автором наиболее подробно, а в описании Коробочки используется мало портретных деталей. Так же дифференцировано используются и колоративы. Наибольшее их количество встречается в описании первого и последнего персонажей (10 в описании Манилова, 11 в описании Плюшкина).

Речь героев также характеризует их внутренний мир. Она, как правило, включает стилистически окрашенную лексику, частицы, междометия. Уместно здесь вспомнить слова Л.А. Новикова, который, анализируя пьесу А.С. Пушкина, отмечал: «Язык персонажей трагедии становится составной частью их характеров» [Новиков 2007: 50].

Состав наиболее регулярных языковых средств, репрезентирующих образы помещиков (по уровневой системе организации), сводится к следующим видам словесной образности:

- Фонетический: аллитерация.
- Лексические: антонимы, просторечие, окказионализм, фразеологизм, колоратив, оксюморон, слова со значением оценки.
- Лексико-семантические: метафора, развёрнутая метафора, сравнение, развёрнутое сравнение, олицетворение, эпитет, ирония, гиперболы.
- Морфемные: уменьшительно-ласкательный суффикс,

суффикс с увеличительным значением.

- Морфологические: неопределённые местоимения, междометие, частица, форма превосходной степени имён прилагательных, наречия меры и степени.

- Синтаксические: обращения, вопросительное и восклицательное предложения, ряд однородных членов предложения, назывное предложение, парцелляция, инверсия.

Стилистические: лексический повтор, повтор формы слова, отрицание, пословица, противопоставление, градация.

Отметим, что данный перечень не содержит полного состава средств выразительности, а определяет лишь наиболее часто встречающиеся в описании героев виды. Далее, для достижения цели исследования нам необходимо обнаружить текстовые доминанты в изображении внешности, характера, речи и окружения каждого помещика, способствующие формированию инварианта восприятия прецедентных имен *Манилов*, *Коробочка*, *Ноздрев*, *Собакевич*, *Плюшкин* со всеми его составляющими (дифференциальные признаки, атрибуты, потенциально возможные знания и представления о прецедентном имени).

Итак, структура прецедентного имени и гоголевский порядок репрезентации героев определяют содержание, последовательность и критерии лингвостилистического анализа образов помещиков. Охарактеризуем внутренний мир каждого из героев, который отражён посредством дифференциальных признаков, в соответствии со структурой прецедентного имени В.В. Красных в последовательности, заданной самим Н.В. Гоголем: имя героя, его усадьба, внешность, убранство его дома, речь; мнение о нем автора или Чичикова.

2.2. Текстовые доминанты образа Манилова

Имя – Манилов. Именно Манилов открывает галерею гоголевских

персонажей. Чичиков, главный герой поэмы, приезжает к нему после полученного приглашения. Н.В. Гоголь подшучивает над своими героями: путь в Маниловку он изображает как путь «в никуда». Чичиков ищет «Заманиловку». «Маниловка, может быть, а не Заманиловка?» – уточняет встретившийся ему на пути крестьянин [Гоголь 1951: 22]. Далее автор констатирует: «Деревня Маниловка немногих могла заманить своим местоположением» [Там же], используя приём адноминатии, состоящий в актуализации внутренней формы имени собственного помещика Манилова. Уже в этом первом обращении к фамилии появляется сема 'обман'. На этом приёме употребления слов *манить*, *заманить*, апеллирующем к фамилии персонажа, построен и его **словесный портрет**: «Он [Манилов] улыбался заманчиво, был белокур, с голубыми глазами» [Гоголь 1951: 24].

Описание усадьбы. Окружение Манилова – это его дом, усадьба. Привлекает внимание обилие образов, имплицитно или эксплицитно связанных с цветом – заросший *тиной пруд*, беседка с *зелёным куполом*, хозяин в *зеленом шалоновом сюртуке*. На первый взгляд, преобладают обозначения зеленого цвета, однако при внимательном прочтении становится ясно, что этот не живой, не природный зеленый цвет локализован несколькими пятнами (*крыша, халат, тина*). Анализ колоративов во фрагменте, описывающем окружение Манилова, показал, что эти и еще несколько цветowych пятен (*жёлтые акации, кусты сирени*) тонут в серости окружающего мира. Яркое подтверждение: «У подошвы этого возвышения ... *темнели вдоль и поперек серенькие бревенчатые избы ... нигде между ними растущего деревца или какой-нибудь зелени; везде глядело только одно бревно*» [Гоголь 1951: 23] Героя окружает скучный серый цвет. Колоративы-обозначения серого (темного) цвета употребляются с денотатами, включающими сему 'большое пространство': *темнел каким-то скучно-синеватым цветом сосновый лес, день светло-серого цвета, стены комнаты выкрашены какой-то краской вроде серенькой*. Есть и

индивидуально-авторское образование с данным корневым элементом *скучно-синеватый*, а также сочетание-оксюморон *голубенькой краской вроде серенькой*. Данные колоративы, безусловно, соответствуют характеристике внутреннего мира Манилова – скука, бездеятельность и нелогичность существования. Кроме того, все описание усадьбы насыщено лексемами со значениями ‘скучный’, ‘старый’, ‘мрачный’: *темнели, влача, старые мундиры*.

Внешность. Портретирование осуществляется посредством образных лексических единиц с семантикой вкуса – ‘содержащий сладость’. «Обрисовывание» начинается стилистическими средствами отрицания, затем следует «сахарная» метафора: [О Манилове] *«На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару...»* [Гоголь 1951: 24]. Метафорическая область-источник *сладость* используется не только при описании внешности в целом, но и при описании отдельных ее фрагментов, в частности, при соматизме *глаза*: [О мечтах]: *«При этом глаза его делались чрезвычайно сладкими, и лицо принимало самое довольное выражение...»* [Гоголь 1951: 25]. Употребление слов со сходной семантикой в пределах одного образного контекста обуславливает семантическую избыточность: *«Помещик Манилов, еще вовсе человек не пожилой, имевший глаза сладкие, как сахар, и щуривший их всякий раз, когда смеялся, был от него без памяти»* [Гоголь 1951: 16-17]. Здесь необходимо отметить, что в целом представление о сладости в русском коммуникативном сознании связано с приятными ощущениями. Так, в словарях фиксируются значения: *Имеющий приятный, свойственный сахару, вкус; Переносно-приятный в чувственном отношении. – Сладкий поцелуй свиданья (А. Пушкин)*. Однако в русской же лексике есть группа отрицательно коннотированных слов, содержащих сему ‘сладкий’ – *слащавый, сладенький, приторный, елейный*. Эти слова употребляются, когда речь идет о чрезмерной (и неискренней) ласковости,

угодливости. Именно эту чрезмерную сладость имеет в виду Гоголь, описывая Манилова. В словесном портретировании данного литературного героя используется развёртывание эпитета (*сладкое*) отрицательным эпитетом, усиливающим предыдущий (*приторное*), и соответствующим сравнением: *«И знаете, Павел Иванович», – сказал Манилов, явя в лице своем выражение не только сладкое, но даже приторное, подобно той микстуре, которую ловкий светский доктор засластил немилосердно, воображая ею обрадовать пациента...»* [Гоголь 1951: 29].

Портрет Манилова, создаваемый в тексте такими тропами, как эпитет, метафора (простая и развернутая), сравнение, отрицание, создаёт впечатление внешней слащавости, герой лишён точного возраста, запоминающихся черт.. Исследователи отмечают, что даже лицо в поэме Н.В.Гоголя представляет собой внешнюю вещь, показатель внутренней жизни: есть лик, а есть личина, но цель автора состоит в духовном возрождении и перерождении, преобразении внутреннего мира и обретении лика.

Описание дома. Манилов изображён автором в своём доме, где он не выпускал изо рта курительной трубки. В русской лингвокультуре табак часто ассоциируется с бездеятельностью и праздным образом жизни. Сам Манилов объясняет природу своей дурной привычки так: *«В нашем полку был поручик, прекраснейший и образованнейший человек, который не выпускал изо рта трубки не только за столом, но даже, с позволения сказать, во всех прочих местах....»* [Гоголь 1951: 32]. При характеристике самого помещика автор отмечает следующее: *«Когда приказчик говорил: «Хорошо бы, барин то и то сделать», «Да, недурно», – отвечал он обыкновенно, куря трубку, которую курить сделал привычку, когда еще служил в армии, где считался скромнейшим, деликатнейшим и образованнейшим офицером...»* [Гоголь 1951: 25]. Морфологические средства создания образности — прилагательные в простой превосходной степени сравнения — сближают

этих персонажей, и мы можем думать, что Манилов, таким образом, берёт себе в образцы и по-настоящему ценит тех людей, суть которых сводится лишь к пустоте, изяществу дыма и задурманиванию активной мысли.

Примечательно наличие в описании интерьера контекстуальных антонимов: «*В доме его чего-нибудь вечно недоставало: в гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой материей, которая, верно, стоила весьма недешево; но на два кресла ее не достало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею <...> Вечеру подавался на стол очень щегольской подсвечник из темной бронзы с тремя античными грациями, с перламутрным щегольским щитом, и рядом с ним ставился какой-то просто медный инвалид...*» [Гоголь 1951: 25]. Посредством данных языковых единиц подчёркивается такая черта характера героя, как неопределенность.

Речь Манилова отличается обилием имён прилагательных в превосходной степени сравнения: «*препочтеннейший и прелюбезнейший*», «*прекраснейший и образованнейший человек*», она наполнена наречиями со значением меры и степени (*очень, чрезвычайно*), словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами, но лишена смысла, в ней нет ничего, кроме «сладкого привкуса». Например, разговор четы Маниловых с Чичиковым:

«– *А как вы нашли нашего губернатора?*» – сказала Манилова.

– *Не правда ли, что препочтеннейший и прелюбезнейший человек?* – прибавил Манилов.

– *Очень обходительный и приятный человек.*

– *Милый человек.*

– *Очень достойный человек.*

– *Очень приятный человек.*

– *Чрезвычайно приятный, и какой умный, какой начитанный человек!*

Мы у него проиграли в вист вместе с прокурором и председателем палаты до самых поздних петухов!» [Гоголь 1951: 28]

Предмет его речей составляют пустые мечты и восторги, пафосный

церемониал (например, весьма насыщенный диалог Чичикова и Манилова по поводу того, кто кого должен пропустить в дверях). Обращаясь к жене, уменьшительно-ласкательными суффиксами в словах, он проявляет к ней свою любовь: *«Душенька, нужно будет завтра похлопотать чтобы в эту комнату хоть на время поставить мебель»* [Гоголь 1951: 34]. В обращении к Чичикову в знак его особого почтения вплоть до самоуничижения использует словоерс, устаревшую частицу, образованную путём сокращения от слов *«сударь», «государь»*: *«Как-с? извините... я несколько туг на ухо, мне слышалось престранное слово...»* [Гоголь 1951: 34]. Его мысли, мечты лишены силы действия: *«...все эти прожекты так и оканчивались только **одними словами**»* [Гоголь 1951: 25]. Манилов не имел сильного, волевого характера, что подтверждается гоголевскими эпитетами: *«...от него не дождешься никакого **живого** или хоть даже **заносчивого** слова...»* [Гоголь 1951: 24]. Автор последовательно развивает идею пустоты: речь персонажа пафосна, бессодержательна и сентиментальна.

Свойства и качества героя, его **характер** даны автором через устоявшиеся сочетания и пословицы: *«**Один бог разве мог сказать**, какой был характер Манилова. Есть род людей, известных под именем: **люди так себе, ни то, ни сё, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан, по словам пословицы**»* [Гоголь 1951: 24]. Внутренние качества героя не определяются автором прямо, а вводятся снова через отрицание без противопоставления в градации по степени нарастания внутренней пустоты этого «собеседника»: *«В первую минуту разговора с ним **не можешь не сказать**: какой приятный и добрый человек! В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: **чёрт знает, что такое!** и отойдешь подальше; если ж не отойдешь, почувствуешь **скуку смертельную**»* [Гоголь 1951: 24]. Для передачи предельной степени скуки Н.В. Гоголь здесь преднамеренно нарушает лексическую сочетаемость, используя паронимы (*скука смертельная* вместо *скука смертная*).

Мысли героя далеки от реальности, его внутренний мир составляют бесплотные мечты, длительное обдумывание автор иронично представляет в виде метафор, одна из которых является развёрнутой: «*Странная просьба Чичикова прервала вдруг все его мечтания. Мысль о ней как-то особенно не варилась в его голове: как ни переворачивал он ее, но никак не мог изъяснить себе, и всё время сидел он и курил трубку, что тянулось до самого ужина*» [Гоголь 1951: 39]. Языковые образные средства, репрезентирующие качества и свойства характера героя, отражают идею его внутренней пустоты, ненадолго скрываваемой внешней сахарной приятностью.

Отношение автора. Н.В. Гоголь относится к созданному им образу иронически, как и ко многим персонажам поэмы. Он подчёркивает внутреннюю пустоту героя, которая лишь сладка на вкус, приятна для слуха. В Манилове нет ничего отрицательного, но нет и ничего положительного, ведь совсем не случайно Чичиков ехал к Манилову настолько долго, как будто это был «путь в никуда».

В русском языковом сознании образ Манилова ассоциируется с бездеятельным благодушием, пустой болтовнёй и мечтательностью, слабоволием, излишней сентиментальностью. Возникло и понятие маниловщины, а само имя стало нарицательным. Например, одна из статей электронного словаря по лингвостилистике содержит такое высказывание Н.Г. Чернышевского: «И на Западе много сочиняется пустых книжек и статей... Пишутся они отчасти французскими **Маниловыми**, отчасти французскими **Чичиковыми**» [URL:<https://www.litmir.me/br/?b=191105&p=52>].

Текстовые доминанты образа Манилова. Качественно-количественный обзор средств языка, вовлечённых писателем в создание персонажа, даёт основание выделить следующие текстовые доминанты образа Манилова:

- 1) Внешность: «сахарная» метафора.
- 2) Характер: пословица: «ни то ни се, ни в городе Богдан, ни в селе

Селифан».

3) Речь: имена прилагательные в превосходной степени, слова с суффиксами уменьшительно-ласкательного значения.

4) Окружение (усадьба, дом): колоратив (*серый* цвет как символ скуки), контекстуальные антонимы (*щегольской подсвечник – медный инвалид*).

2.3. Текстовые доминанты образа Коробочки

Имя – Настасья Петровна Коробочка. Это второй персонаж, к которому случайно ночью во время непогоды попал Павел Иванович. Значение её имени становится более ясным в конце встречи с ней Чичикова. Обращаясь к внутренней форме данного имени, можно сказать, что Настасья Петровна представляет собой лишь некую оболочку, или «коробочку», лишённую содержания – духовности, сердечного тепла. Даже её имя — *Настасья Петровна* — представляет собой разговорную форму полного имени *Анастасия*.

Хозяйство, усадьба Коробочки были крепкими, она целиком была занята ведением дел, что подчёркивается метафорой: «...*Коробочка, успокоившись, уже стала рассматривать всё, что было во дворе ее; вперила глаза на ключницу, выносившую из кладовой деревянную побратиму с медом, на мужика, показавшегося в воротах, и мало-помалу вся переселилась в хозяйственную жизнь*» [Гоголь 1951: 58].

Живёт Настасья Петровна в **окружении** помещиков с фамилиями, восходящими к названиям животных. На вопрос Чичикова «А какие же сеть, если о Манилове она не слышала, был таков: «***Бобров, Свиньин, Кананатьев, Харпакин, Трепакин, Плешаков***» [Гоголь 1951: 46]. Таким образом писатель подчёркивает тот «медвежий угол», в котором она живёт. Её старушечий быт не нарушаем ничем в течение десятилетий, отчего охрипли и стали шипеть даже часы, подчёркивается метафорой, сравнением, олицетворением, метафорами, сравнением и олицетворением соответственно:

«Слова хозяйки были прерваны странным **шипением**, так что гость было испугался; шум очень **походил на то, как бы все комната наполнилась змеями**; но, взглянувши вверх, он успокоился, ибо смекнул, что **стенным часам пришла охота бить**. За **шипеньем** тотчас же последовало **хрипенье**, и наконец, **понатужась** всеми силами, они пробили два часа **таким звуком, как бы кто колотил палкой по разбитому горшку**, после чего маятник пошел опять покойно **щелкать** направо и налево» [Гоголь 1951: 45-46].

Внешность. Бездетная вдова-помещица, Коробочка имеет весьма скупые портретные характеристики: «**Минуту** спустя вошла **хозяйка, женщина пожилых лет**, в каком-то спальном чепце, надетом наскоро, с **фланелью на шее...**» [Гоголь 1951: 45]. Автор называет её то хозяйкой, то старухой, подчёркивая её возраст: «**Старуха** вновь задумалась» [Гоголь 1951: 54], метонимически проводит ассоциацию с чучелом: «...**водружено было несколько чучел** на длинных шестах с растопыренными руками; на одном из них **надет был чепец самой хозяйки**» [Гоголь 1951: 45]. Портретное описание весьма бедно, гораздо более полны её прочие характеристики.

Описание жилища. Интерьер комнаты Настасьи Петровны и двор полны птиц, причем можно наблюдать метонимический перенос «картины с птицами» – «картины с изображениями каких-то птиц» и двор из окна, видимый Чичиковым: «**Чичиков** кинул вскользь два взгляда: комната была обвешана старенькими **полосатыми обоями; картины с какими-то птицами...**» [Гоголь 1951: 45], «**Индейкам и курам не было числа; промеж них расхаживал петух** мерным шагом, потряхивая гребнем и поворачивая голову набок, как будто к чему-то прислушиваясь...» [Гоголь 1951: 48]. В саду Коробочки воробьи и сороки, которые «целыми косвенными тучами переносились с одного места на другое» [Гоголь 1951: 48]. Кроме того, в III главе, посвящённой данному персонажу, неоднократно упоминаются птичьи перья: «**Фетинья ... успела уже притащить перину и, взбивши ее с обоих боков руками, напустила целый потоп перьев по всей комнате ... постель**

опустилась под ним почти до самого пола, и перья, вытесненные им из пределов, разлетелись во все углы комнаты» [Гоголь 1951: 46-47]. Настасья Петровна пытается и продать их Чичикову: *«Может быть, понадобится еще птичьих перьев, — спрашивает Коробочка у Чичикова. — У меня к Филиппову посту будут и птичьи перья»* [Гоголь 1951: 57]. Даже в лирическом отступлении данной главы образ правителя канцелярии сопоставляется с орлом и куропаткой, контекстуальными антонимами, посредством творительного падежа выражающими сравнение: *«Прометей, решительный Прометей! Высматривает орлом, выступает плавно, мерно. Тот же самый орел, как только вышел из комнаты и приближается к кабинету своего начальника, куропаткой такой спешит с бумагами подмышкой, что мочи нет»* [Гоголь 1951: 49-50]. Все упоминаемые лексемы тематической группы «Птицы»: индюк, куры, сороки, воробьи – имеют в устном народном творчестве прочную ассоциативную связь с понятием «глупость». Это же свойство подчёркивает и знаменитый эпитет, данный Коробочке Чичиковым и представляющий собой окказионализм, – «дубинноголовая»: *«Эк её, дубинноголовая какая! – сказал про себя Чичиков, уже начиная выходить из терпения. – Пойди ты, сладь с нею! В пот бросила, проклятая старуха!»* [Гоголь 1951: 53-54].

Ничего не менялось в доме Коробочки на протяжении многих лет, бездействие, отсутствие перемен подчёркивает обилие мух в комнатах, которые олицетворяются автором: *«...Мухи, которые вчера спали спокойно на стенах и на потолке, все обратились к нему: одна села ему на губу, другая на ухо, третья норовила как бы усесться на самый глаз...»* [Гоголь 1951: 47].

Настасья Петровна имела нехитрые домашние развлечения (в противовес следующему герою, Ноздреву, о чем говорят детали интерьера: *«...Между окон старинные маленькие зеркала с темными рамками в виде свернувшихся листьев, и за всяким зеркалом заложены были или письмо, или*

старая колода карт, или чулок...» [Гоголь 1951: 45].

Качества и свойства её **характера** обозначены писателем уже в кратком описании внешности. Различные языковые средства помогают раскрыть её внутренний мир. Описание автором бережливости, скупости вдовы коллежского секретаря отражается в соответствующей манере речи с присущими ей уменьшительно-ласкательными суффиксами, присутствует и тематическая группа «Деньги». Кроме того, бережливость подчёркивается Н.В.Гоголем приёмом лексических повторов с отрицанием (обозначены подчёркиванием): *В один мешочек отбирают всё **целковики**, в другой **полтиннички**, в третий **четвертачки**, хотя с виду и кажется, будто бы в комодe ничего нет, кроме белья, да ночных **кофточек**, да нитяных **моточков**, да распоротого салона, имеющего потом обратиться в платье, если старое как-нибудь прогорит во время печения праздничных лепешек со всякими пряженцами или поизотрется само собою. Но не сгорит платье и не изотрется само собою; бережлива старушка, и салону суждено пролежать долго в распоротом виде, а потом достаться по духовному завещанию племяннице внучатной сестры вместе со всяким другим хламом»* [Гоголь 1951: 45]. Представим последнее наблюдение в виде пар: *распоротый салон обратится в платье – салон пролежит долго в распоротом виде, старое платье прогорит – не сгорит и не изотрётся само собою*. В такой бережливости Коробочки уже проглядывает образ Плюшкина.

Хозяйка осторожна, что подчёркивается в одном из контекстов фонетическим вариантом слова *маленько*, сопровождается частицей *авось*, присущей народной речи, и избыточностью в образовании формы совершенного вида *понаедут*: *«Право, – отвечала помещица, – мое такое неопытное вдовье дело! Лучшие ж я **маненько** повременю, **авось понаедут** купцы, да применюсь к ценам»* [Гоголь 1951: 53].

Настасья Петровна деловита, из описания, данного ей автором, из её

речи можно выделить тематическую группу со значением «Товар»: *мед, пенька, скот, скотина, крупа, мука, мука ржаная, мука гречневая, птичьи перья*. Например, *«Хорошо бы было, – подумала между тем про себя Коробочка, – если бы он забирал у меня в казну муку и скотину...»* [Гоголь 1951: 55], [Коробочка] *«Да вот беда: урожай плох, мука уж такая не авантажная...»* [Гоголь 1951: 56]. К этой группе, пожалуй, можно отнести и умерших крестьян, которых скупал Чичиков, именно Коробочка отчаянно торгуется, желая продать их подороже, к примеру [Чичиков и Коробочка]⁵:

«– Страм, страм, матушка! просто, страм! Ну, что вы это говорите, подумайте сами! Кто ж станет покупать их! На что они им? Ну, какое употребление он может из них сделать?»

– А может, в хозяйстве-то как-нибудь под случай понадобятся... – возразила старуха, да и не кончила речи, открыла рот и смотрела на него почти со страхом, желая знать, что он на это скажет» [Гоголь 1951: 53].

Настасьей Петровной владеет страсть к накопительству, так, к примеру, её представляет автор при знакомстве с использованием слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *«...одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на неурожаи, убытки и держат голову несколько набок, а между тем набирают понемногу деньжонок в пестрядёвые мешочки, размещенные по ящикам комодов»* [Гоголь 1951: 45]. Интересно отметить любовь Коробочки к ящикам комодов, куда она складывает «деньжонки», симпатию к шкатулке Чичикова, т. е. к разного рода «коробочкам» (*«Хорош у тебя ящичек, отец мой, — сказала она, подсевши к нему. — Чай, в Москве купил его?»* [Гоголь 1951: 56]), что поддерживает внутреннюю ассоциативную связь с «обыгрыванием» имени Манилова.

⁵ Отметим, что речь Чичикова, как зеркало, отражает речь героя, с которым он говорит. Здесь, в частности, это свойство проявляется в употреблении разговорного слова *страм*, в обращении *матушка*.

Гостеприимство хозяйки подчёркивается обширной тематической группой лексем со значением «Продукты питания»: *грибки, пирожки, скородумки, шаншики, пряглы, блины, лепешки со всякими припёками: припёкой с лучком, припёкой с маком, припёкой с творогом, припёкой со сняточками, пресный пирог с яйцом*. Любопытно, что часть из них современному читателю непонятны, это архаизмы: *пряглы, сняточки*.

Речь Настасьи Петровны отличается народностью, простотой, фамильярностью, богата просторечиями. В ней присутствуют лексемы с уменьшительно-ласкательными суффиксами, окказионализмы, например: «*Ах, какие ты забранки пригинаешь!*» [Гоголь 1951: 54]. *Забранки* — вероятнее всего, восходит к слову *браниться*, является окказионализмом, *пригинаешь* — неверная форма от глагола *пригибать*, выступает в значении «говорить». Другими словами, надо полагать, сочетание *пригибать забранки* — означает *браниться*. Просторечия выдают уподобление коллежской секретарши, дворянки крестьянской речи, например: «...*Теста со вчерашнего вечера еще осталось, так пойди сказать Фетинье, чтоб спекла блинов*» [Гоголь 1951: 47], где разговорная форма *спекла* соответствует литературной *испекла*.

Обращения *батюшка, отец, отец мой* в речи Коробочки подчёркивает незыблемость патриархальных традиций, которыми она живёт, проиллюстрируем тезис: «*Нет, отец, богатых слишком нет. У кого двадцать душ, у кого тридцать, а таких, чтоб по сотне, таких нет*» [Гоголь 1951: 46]. Она фамильярно, резко переходит в обращении к Чичикову «на ты» при первом разговоре: «*Ну, вот тебе постель готова, — сказала хозяйка. Прощай, батюшка, желаю покойной ночи*» [Гоголь 1951: 46]

Отношение автора. Сам Гоголь иронизирует над героиней, это отчётливо видно в словах автора после размышлений Коробочки о пироге: «*Хозяйка вышла с тем, чтобы привести в исполнение мысль насчет*

загнутия пирога и, вероятно, пополнить ее другими произведениями домашней пекарни и стряпни...» [Гоголь 1951: 54]. Окказионализм *загнутие* и стилистическое противопоставление *произведения* (высокий стиль) *стряпни* (низкий стиль, разговорное слово).

Русское коммуникативное сознание, как правило, связывает имя помещицы Коробочки с «дубинноголовостью»⁶, глупостью, застывшим жизненным кругом и отсутствием интересов, кроме денежной выгоды. Однако известна она и своей хлебосольностью, так, даже в настоящее время существуют блины «по рецепту Коробочки» [URL: <http://www.habex.ru/paper/854/16422/>]. Таким образом, Коробочка являет собой следующую ступень, ведущую в бездну пороков и духовной «омертвелости».

Текстовые доминанты образа Коробочки:

- 1) Внешность: субстантив *старуха*.
- 2) Характер: эпитет, окказионализм *дубинноголовая*, уменьшительно-ласкательный суффикс в словах тематической группы «Деньги», тематическая группа «Продукты питания».
- 3) Речь: тематическая группа со значением «Товар», просторечия, обращения, широко употребляемые в патриархальной среде (*батюшка, отец*).
- 4) Окружение (усадьба, дом): фамилии помещиков, восходящие к названиям животных, тематическая группа «Птицы» (во дворе, на картине в доме).

2.4. Текстовые доминанты образа Ноздрева

⁶ Внутренняя форма данного метафорического эпитета, на наш взгляд, такова: дуб, как и производное от него *дубина*, известен своей прочностью. Дубовый дом, к примеру, был весьма крепким, а потому ценным. Однако древесина дуба тяжело поддаётся обработке, сама же обработка, воздействие в языковом сознании сопоставляется с обучением. Таким образом, оценка *дубовый лоб* или *голова* означает отсутствие ума.

Имя героя. Образ Ноздрева центральный, третий из пяти в цепочке помещиков. Так же, как и у Манилова, у него нет имени и отчества. Как и Коробочка, он случайный в «путешествии» Чичикова. Знакомство с ним начинается ещё в губернском городе N, но столкнувшись с ним непосредственно, Павел Иванович не упускает и этот шанс в приобретении «мёртвых душ».

Фамилия помещика представляет собою метонимию носа, отделение которого от лица обыгрывалось Н.В. Гоголем и в повести «Нос». Здесь же, по нашему мнению, такое «отделение» ноздрей от носа вызвано связью с внутренней формой слова: движение ноздрей возникает у человека во время острых эмоциональных переживаний (гнева, азарта, смеха), а Ноздрев жил страстями, поэтому нос его весьма часто приходил в движение. Именно эта часть лица даёт ключ к его личностным качествам: *«Чуткой нос его слышал за несколько десятков верст, где была ярмарка со всякими съездами и балами; он уж в одно мгновенье ока был там...»* [Гоголь 1951: 70] (ср. с пословицей *«Держать нос по ветру»*), трансформация фразеологизма *в мгновение ока* в семантически избыточное *в одно мгновенье ока* подчёркивает, с какой скоростью Ноздрев оказывался в местах кутежей и развлечений.

Описание усадьбы. Дом, усадьба, пруд, находившиеся во владении Ноздрева, наверное, когда-то знали лучшие времена, однако хозяин не склонен заниматься хозяйственными делами. В описании Ноздрева нет цветообозначений, но собаки в его хозяйстве были *«всех возможных цветов и мастей: муругих, черных с подпалинами, полво-пегих, муруго-пегих, красно-пегих, черноухих, сероухих...»*. [Гоголь 1951: 74]. Заметим, что цветообозначения используются исключительно в описании собак, вся остальная жизнь Ноздрева «бесцветна». Место собак в его жизни определено с помощью сравнения и олицетворения (соответственно): *«Ноздрев был среди их совершенно как отец среди семейства: все они, тут же пустивши*

вверх хвосты, зовомые у собачеев правилами, полетели прямо навстречу гостям и стали с ними здороваться» [Гоголь 1951: 74].

Внешность. Портрет Ноздрева автор приводит при встрече в трактире, на дороге: *«Это был среднего роста, очень недурно сложенный молодец с полными румяными щеками, с белыми, как снег, зубами и черными, как смоль, бакенбардами. Свеж он был, как кровь с молоком; здоровье, казалось, так и прыскало с лица его»* [Гоголь 1951: 64]. Обилие общеязыковых сравнений (*как снег, как смоль, как кровь с молоком*) прилагательных-колоративов, которые состоят в отношениях антонимии (*белые зубы — чёрные бакенбарды*), использование фольклорного образа молодца как никогда не унывающего солдата, создаёт впечатление о Ноздреве как о разбитном малом.

Внутренние качества Ноздрева составляют главным образом страсти: к вранью, к азартным играм, хвастовство и стремление «нагадить», то есть подлость. Последняя вводится автором в описание посредством сравнения с использованием лексических повторов ключевого слова, принадлежащего разговорному стилю: *«Есть люди, имеющие страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе без всякой причины. Иной, например, даже человек в чинах, с благородною наружностью, со звездой на груди, будет вам жать руку, разговорится с вами о предметах глубоких, вызывающих на размышления, а потом, смотришь, тут же, пред вашими глазами и нагадит вам. И нагадит так, как простой коллежский регистратор, а вовсе не так, как человек со звездой на груди, разговаривающий о предметах высоких и предметах, вызывающих на размышление; так что стоишь только да дивишься, пожимаая плечами, да и ничего более. Такую же странную страсть имел и Ноздрев»* [Гоголь 1951: 71].

Ноздрев — любитель азартных игр, он играет в «гальбик», «банчишку», шашки. За партией игры в шашки, предметом которой стали «мёртвые души», принадлежавшие Ноздреву, Чичиков использует повтор,

ставший в русском коммуникативном сознании устойчивым выражением:

«– Знаем мы вас, как вы плохо играете! – сказал Ноздрев, выступая шашкой.

– Давненько не брал я в руки шашек! – говорил Чичиков, подвигая тоже шашку.

– Знаем мы вас, как вы плохо играете! – сказал Ноздрев, выступая шашкой.

– Давненько не брал я в руки шашек! – говорил Чичиков, подвигая шашку.

– Знаем мы вас, как вы плохо играете! – сказал Ноздрев, подвигая шашку, да в то же самое время подвинув обилагом рукава и другую шашку.

– Давненько не брал я в руки!.. Э, э! это, брат, что? отсади-ка ее назад! – говорил Чичиков» [Гоголь 1951: 84].

Весьма любопытно, что данный диалог задан повтором, повторяются оба героя, однако прецедентным высказыванием стала реплика Чичикова.

Азарт Ноздрева связан с его пристрастием к алкогольным напиткам. Тематическая группа номинаций со значением «Алкогольные напитки» представлена следующими единицами: *шампанское (шампонец), клико, бонбон, портвейн, сотерн, мадера, ром, водка царская, водка анисовая, бургоньон, бордо (бурдашка), рябиновка, сивушица, бальзам*. Например: *«Шампанское у нас было такое, — что пред ним губернаторское? просто квас. Вообрази, не клико, а какое-то клико матрадура; это значит двойное клико. И еще достал одну бутылочку французского под названием: бонбон. Запах? — розетка и всё, что хочешь. Уж так покутили!» [Гоголь 1951: 65].*

Враньё – отличительная черта Ноздрева, он склонен к чрезмерному преувеличению, его главный приём – гипербола: *«Вот на этом поле, сказал Ноздрев, – указывая пальцем на поле – русаков такая гибель, что земли не видно; я сам своими руками поймал одного за задние ноги» [Гоголь 1951:*

74]. Данную особенность передаёт также и лексический повтор местоимения *всё*: «*Вот граница! – сказал Ноздрев, – всё, что ни видишь по эту сторону, всё это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синее, и всё, что за лесом, всё это мое*» [Гоголь 1951: 74]. Безудержная тяга к вранью Ноздрева, всякий раз пресекаемая его зятем Мижуевым, вызывает и отклик автора. При описании прогулки по усадьбе Н.В. Гоголь использует одно и то же вводное слово со значением уверенности *точно*, словно сам следит за достоверностью его слов: «*А вот тут скоро будет и кузница! – сказал Ноздрев. Немного прошедши, они увидели, точно, кузницу, осмотрели и кузницу*» [Гоголь 1951: 74].

Кроме того, Н.В.Гоголь для характеристики персонажа дважды использует толкование какой-либо черты в другом значении (лексемы *исторический, многосторонний*), к примеру: «*Ноздрев во многих отношениях был многосторонний человек, то есть человек на все руки. В ту же минуту он предлагал вам ехать куда угодно, хоть на край света, войти в какое хотите предприятие, менять всё, что ни есть, на всё, что хотите*» [Гоголь 1951: 71]. Автор не использует данный приём для описания других помещиков, думается, что такая экстравагантная личность, как Ноздрев, предполагает и соответствующие, не похожие на других языковые средства его репрезентации.

Описание дома. Вещи в доме Ноздрева наделены теми же свойствами природы, так, шарманка описывается с помощью тех же эпитетов, что и хозяин: «*Уже Ноздрев давно перестал вертеть [шарманку], но в шарманке была одна дудка, очень бойкая, никак не хотевшая угомониться, и долго еще потом свистела она одна*» [Гоголь 1951: 75]. Однородные ряды членов предложения, передающие обилие мелочей, также свидетельствуют о страстях коллекционера безделиц и азартного игрока: «*Потом показались трубки деревянные, глиняные, пенковые, обкуренные и необкуренные, обтянутые замшею и необтянутые, чубук с янтарным мундштуком,*

недавно выигранный, и *кисет*, вышитый какою-то графиней...» [Гоголь 1951: 75].

Если в доме Коробочки было обилие мух, то в доме Ноздрева водились блохи, такие же непоседливые, прыгучие насекомые, обитающие на шерсти собак, которых любит хозяин, больно кусающие, как и этот помещик, бросившийся на Чичикова с кулаками.

Речь помещика насыщена оценочностью, тематическая группа со значением «Оценка» является самой богатой в количественном отношении среди прочих групп и других помещиков, её состав: *каналья, волокита, жидомор, плут, бестия, мошенник, подлец, скряга, скалдырник, езуит (иезуит), дрянь, ракалия, шильник, печник, сочинитель*. Даже положительные качества Ноздрев сопровождает негативной оценкой: «*В театре одна актриса так, каналья, пела, как канарейка!*» [Гоголь 1951: 67]. Синтаксически данные лексемы многообразны: они выступают и в роли приложений, и в роли подлежащего, и в роли сказуемого, иногда вступая в отношения синонимии (в следующем контексте соответственно, замыкает цепочку приложение): «*Пономарев, бестия, так раскланивался, говорит: для вас только; всю ярмарку, говорит, обыщите, не найдете такого. Плут, однако ж, ужасный. Я ему в глаза это говорил: «Вы, говорю, с нашим откупщиком первые мошенники!» Смеется, бестия, поглаживая бороду*» [Гоголь 1951: 67]. Наряду со словами, содержащими в своём лексическом значении негативную оценку (*подлец, плут, бестия* и др.) есть и слова, употреблённые в переносном значении (*сочинитель, печник*). Так, Ноздрев, обвиняя Чичикова в желании его якобы обмануть, называет его сочинителем: «*Как, где место? – сказал Ноздрев, покрасневши. – Да ты, брат, как я вижу, сочинитель!*» [Гоголь 1951: 85]. Есть в приведённой нами группе и лексемы, являющиеся в настоящем устаревшими (*фетюк, скалдырник, шильник*).

Речь Ноздрева также очень эмоциональна, что выражают многочисленные восклицательные предложения и содержащиеся в них

гиперболы: «*Но Ноздрев продолжал хохотать во все горло, приговаривая: – Ой, пощади! право, тресну со смеху!*» [Гоголь 1951: 67]. Подобные описания подтверждают отсутствие самоконтроля, нетребовательность к себе, сосредоточенность на удовлетворении страстей, утолить которые невозможно. Отсюда и та бедность, пустота, которая присутствует в окружении Ноздрева.

Отношение автора. Итак, Ноздрев – третий помещик в градации духовного опустошения, далеко не безобидный враль, а опасный человек, болтун, скандалист. Бойкость, энергичность, деятельность (отнюдь не продуктивная) запечатлелись в русском коммуникативном сознании, и его имя ассоциируется преимущественно со стихийностью, страстностью, враньём и хвастовством. Н.В. Гоголь так пророчески отзывался о нём: «*Вот какой был Ноздрев! Может быть, назовут его характером избитым, станут говорить, что теперь нет уже Ноздрева. Увы! Несправедливы будут те, которые станут говорить так. Ноздрев долго еще не выведется из мира. Он везде между нами и, может быть, только ходит в другом кафтане; но легкомысленно-непроницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком*» [Гоголь 1951: 72].

Текстовые доминанты образа Ноздрева:

- 1) Внешность: общеязыковые сравнения (*как кровь с молоком; белые, как снег*).
- 2) Характер: эпитеты *исторический, многосторонний*, тематическая группа со значением «Алкогольные напитки», вводное слово *точно*.
- 3) Речь: оценочные слова негативного характера, гипербола, эмоционально окрашенные предложения.
- 4) Окружение (усадыба, дом): эпитет *бойкая* (дудка в шарманке), однородные определения субстантива *трубка*, однородные определения-цветообозначения в описании собак.

2.5. Текстовые доминанты образа Собакевича

Имя. Собакевич – предпоследний в цепочке ярких персонажей помещиков. Чичиков, который искал возможности побывать у него в гостях и после посещения Коробочки и Ноздрева всё же попадает к нему.

Описание усадьбы. Собакевич очень хозяйственен, он всё делает прочно, без претензии на изящество. Так, в описании его усадьбы несколько раз повторяется тема дерева: *«избы и колодец из корабельного дуба», «деревянный дом с мезонином», «раздавался только стук, производимый носом дрозда о дерево деревянной клетки», «пузатое ореховое бюро».* Знаменитая метафора «борьбы» с архитектором за строительство дома окончилась, безусловно, победой Собакевича, и *«как ни бился архитектор, потому что хозяин приказал одну колонну сбоку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, как было назначено, а только три...»* [Гоголь 1951: 94]. Внешнее описание усадьбы – характеризует хозяина и подготавливает читателя к восприятию его образа. В описании усадьбы Собакевича доминируют слова со значением прочный: *крепкая, толстая (стена), непомерно толстая деревянная (решетка), полновесные и толстые (бревна), прочность, плотность, колодец из крепкого дуба.*

Создается образ грубый, без деталей, возникает смысл – ‘неотесанный’, который подчеркнут описанием деревенских изб и колодца – это тот смысл, который накладывается на первый – ‘прочный’.

Описание внешности. Словесный портрет помещика Собакевича весьма интересен и примечателен: *«Когда Чичиков взглянул искоса на Собакевича, он ему на этот раз показался весьма похожим на средней величины медведя»* [Гоголь 1951: 93]. Ведущее средство портретирования — сравнение, как и в следующем примере: *«А Чичиков, от нечего делать, занялся, находясь позади, рассматриваньем всего просторного его оклада. Как взглянул он на его спину, широкую, как у вятских, приземистых лошадей, и на ноги его, походившие на чугунные тумбы, которые ставят*

*на тротуарах, не мог не воскликнуть внутренно: "Эк наградил-то тебя бог! вот уж, точно, как говорят, **неладно скроен, да крепко сшит!**... Родился ли ты уж так медведем или **омедведила** тебя захолустная жизнь, хлебные посевы, возня с мужиками, и ты чрез них сделался то, что называют человек-кулак?"*» [Гоголь 1951: 103]. Пословица и окказионализм *омедведила* оттачивают и углубляют образ. Таким образом, в фамилии и внешности помещика намечается контраст: похож на медведя, но фамилия является производной от номинации *собака*. Не случайно при сделке с Чичиковым он отзывается о себе «собачьим» эпитетом: *«Убыток, да уж **нрав** такой **собачий**: не могу не доставить удовольствия ближнему»* [Гоголь 1951: 105]. Приземлённое, животное существование вне зависимости от того, с каким именно животным оно сопоставимо, становится одной из доминант гоголевского образа.

Собакевич имел богатырское телосложение, «похож на средней величины медведя», был неуклюж. Развёртывание сравнения с медведем происходит и в одежде, и в манере держаться, и в имени героя — Михайло Семёнович. Именно такая форма имени (Михайло, а не Михаил) указывает на фольклорные корни. Ряды однородных членов предложения метафорически выражают и последовательно развивают внутреннее отражение внешнего образа Собакевича: *«Известно, что есть много на свете таких лиц, над отделкою которых натура недолго мудрила, не употребляла никаких мелких инструментов, как-то: **напильников, буравчиков** и прочего, но просто рубила со всего плеча, хватила топором раз — вышел нос, хватила в другой — вышли губы, большим сверлом **ковырнула** глаза и, не обскобливши, **пустила** на свет, сказавши: «живет!»* Такой же самый крепкий и на диво стаченный образ был у Собакевича...» [Гоголь 1951: 95-96]. Внешности Собакевича соответствует пословица: «Неладно скроен, да крепко сшит» [Гоголь 1951: 106].

Внутренние качества помещика соотносимы с его внешностью:

грубость и неуклюжесть не только свойства портрета, но и суть внутреннего мира. Во всех он видит разбойников и воров, ту же тему разговора, что была у Манилова, предлагает Чичикову Собакевич (своеобразный «опрокинутый» диалог»), но сам же даёт на него противоположный ответ с отрицательной оценкой:

«— Губернатор превосходный человек?

— Да, не правда ли?

— *Первый разбойник в мире!*» [Гоголь 1951: 97].

Весьма недоверчив Собакевич к идее просвещения, западного влияния, он сторонник крайностей (ср. выражение «Русский долго запрягает, да быстро ездит»): «Толкуют — просвещенье, просвещенье, а это просвещенье — фук! Сказал бы и другое слово, да вот только что за столом неприлично. У меня не так. У меня когда свинина, всю свинью давай на стол; баранина — всего барана тащи, гусь — всего гуся! Лучшие я съем двух блюд, да съем в меру, как душа требует» [Гоголь 1951: 99]. Метонимическое тождество животной природы с личностными качествами подтверждается и непомерным аппетитом героя: «Собакевич подтвердил это делом: он опрокинул половину бараньего бока к себе на тарелку, съел всё, обгрыз, обсосал до последней косточки» [Гоголь 1951: 99].

Хозяин весьма деловит, он долго вникает в суть обильных, дипломатично выстроенных речей Чичикова, но точно понимает цель его приезда. Трижды повторяется предложение: «Собакевич всё слушал, наклонивши голову» [Гоголь 1951: 100], «Собакевич слушал, всё по-прежнему нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь похожее на выражение показалось в лице его» [Гоголь 1951: 101], уловив, сразу переходит к торгу. Стяжательство сближает его образ с Коробочкой.

Описание жилища. Окружение Собакевича, его дом, в полной мере отражают его любовь ко всему прочному, практичному. Олицетворение становится здесь ведущим средством репрезентации: «Стол, креслы, стулья

— *всё было самого тяжелого и беспокойного свойства; словом, **каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: и я тоже Собакевич! или: и я тоже очень похож на Собакевича!***» [Гоголь 1951: 96]. Развивают эту идею и сравнения в присутствии метонимии (вначале метонимия «картина» – «изображение на картине», затем сравнение): «*Возле Бобелины, у самого окна, висела клетка, из которой глядел **дрозд** темного цвета с белыми крапинками, очень **похожий тоже на Собакевича***» [Гоголь 1951: 95]. Та же метонимическая модель иронически употреблена писателем в отношении совершения этой странной купли-продажи: «*Собакевич замолчал. Чичиков тоже замолчал. Минуты две длилось молчание. **Багратион** с орлиным носом глядел со стены чрезвычайно внимательно на эту покупку*» [Гоголь 1951: 105].

Собакевич – один из немногих образов, в описании которого присутствуют колоративы, т. е. слова, передающие значение цвета. Данные лексемы также подчинены принципу контраста, тонального несоответствия друг другу. Пестроту изображаемой картины передаёт данный контекст: «*Деревня показалась ему довольно велика; два леса, березовый и сосновый, как два крыла, одно **темнее**, другое **светлее**, были у ней справа и слева; посреди виднелся деревянный дом с мезонином, **красной** крышей и **темно-серыми** или, лучше, **дикими** стенами...*» [Гоголь 1951: 93].

Речь помещика вначале, казалось бы, противопоставлена его могучей натуре, в разговоре с женой он использует несвойственные ему слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, в сочетании с приставкой глагола, выражающей неполноту, они семантически избыточны: «*Ты ступай теперь в свою комнату, мы с Павлом Ивановичем скинем фраки, **маленечко приотдохнем!***» [Гоголь 1951: 100]. Но тональность его речи кардинально меняется, когда он торгуется с Чичиковым и продаёт «мёртвые души» так же, как живые. Диалог ведёт решительно, что отражается интонацией восклицания, начинает торг, как бывалый торговец: «*Да **чтобы не***

запрашивать с вас лишнего, по сту рублей за штуку!» [Гоголь 1951: 101]. Ведение торга оживляет его, речь становится яркой и образной: *«Эк, право, затвердила сорока Якова одно про всякого, как говорит пословица; как наладили на два, так не хотите с них и съехать. Вы давайте настоящую цену!»* [Гоголь 1951: 104].

Отношение автора. Н.В. Гоголь в начале знакомства с персонажем высмеивает помещика в каждой детали его усадьбы, дома. Однако есть в этом отношении и грустные нотки. Богатырская внешность, героическая натура Собакевича не находят выражения, нереализованные, они присутствуют лишь на картинах, висящих в его доме: *«На картинах всё были молодцы, всё греческие полководцы, гравированные во весь рост: Маврокордато в красных панталонах и мундире, с очками на носу, Колокотрони, Миаули, Канари. Все эти герои были с такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу»* [Гоголь 1951: 101].

Как прецедентное имя, как правило, Собакевич связывается с неуклюжестью, неповоротливостью, любовью к прочности без всякой претензии на искусство. Страсть к еде, ко всему земному одолевает героя, а душа нисколько его не занимает. Своей хозяйственностью, страстью к наживе даже на «мёртвом» материале он близок Коробочке, на этом же основании противопоставлен Манилову и Ноздреву.

Текстовые доминанты образа Собакевича:

- 1) Внешность: сравнение, метафора (медведь), пословица (*не ладно скроен, да крепко сшит*).
- 2) Характер: окказионализм (*омедведила*), эпитет (*собачий*).
- 3) Речь: предложения эмоционально-окрашенные, «опрокинутый» диалог с обилием оценочных слов негативной окраски (разбойник, вор, хриstopродавцы).
- 4) Окружение (усадьба, дом): олицетворение (*«Я тоже Собакевич»*),

тема дерева, слова со значением *прочный* (*крепкая стена, толстые бревна*).

2.6. Текстовые доминанты образа Плюшкина

Имя. Чичиков впервые слышит о существовании помещика Плюшкина от Ноздрева, который называет его «жидомором». Собакевич подтвердил, что у него люди «как мухи мрут», «Мошенник, – отвечал Собакевич. – Такой скряга, какого вообразить трудно. В тюрьме колодники лучше живут, чем он: всех людей переморил голодом» [Гоголь 1951: 104]. Такое впечатление Чичикова о Плюшкине, даже усугубившееся репликой мужика, показавшего дорогу к его усадьбе: «*А! Заплатанной, заплатанной!*» – *вскрикнул мужик*» [Гоголь 1951: 109] не отпугивает его. Степан Плюшкин – последний помещик, к которому заезжает Павел Иванович в поисках «мёртвых душ». В изображаемой Н.В.Гоголем градации усиления бездуховности существования русского дворянства он являет собой крайнюю, предельную степень, и для этого автор задействует многообразие языковых средств.

Описание усадьбы. Дом, сад, усадьба заключают в себе свойства хозяина. Самое употребительное средство, приковывающее внимание читателя к мельчайшим деталям, – однородные члены предложения и многократные сравнения: «*Скоро, однако же, дал заметить ему [Чичикову] это препорядочный толчок, произведенный бревенчатой мостовою, пред которою городская каменная была ничто. Эти бревна, как фортепьянные клавиши, подымались то вверх, то вниз, и необерегшийся ездок приобретал или шишку на затылок, или синее пятно на лоб, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостик собственного же языка. Какую-то особенную ветхость заметил он на всех деревенских строениях: бревно на избах было темно и старо; многие крыши сквозили, как решето; на иных оставался только конекверху да жерди по сторонам в виде ребр*» [Гоголь 1951: 111]. Мухи, которые в доме Коробочки выражали идею статичности жизни, здесь попросту лишены жизни, среди «всякой всячины»,

лежавшей «на бюро» стояла и *«рюмка с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом»* [Гоголь 1951: 115]. Другими словами, если в доме Коробочки была «застывшая» жизнь, то в доме Плюшкина таковой вообще не могло быть.

Примечательно также, что наличие берёз из огромного, могучего, но запущенного сада Плюшкина в репрезентации галереи помещиков дано Н.В.Гоголем по кольцевому принципу: они есть у Манилова, первого героя (*«...Пять-шесть берез небольшими купами кое-где возносили свои мелколистные жиденькие вершины»* [Гоголь 1951: 23]), и у Плюшкина, героя, замыкающего галерею образов (*«Белый колоссальный ствол березы, лишенный верхушки, отломленной бурей или грозой, подымался из этой зеленой гущи...»* [Гоголь 1951: 113-114]). Думается, что авторский идеал возрождения и перерождения героев, выражается в берёзах, что подчёркивает их вершина (или отсутствие таковой), так как макушка дерева, и берёзы в частности, напоминает пламя свечи, устремлённой к Богу, и в русском языковом сознании ассоциируется с молитвой о спасении. Берёза из сада Манилова имеет «мелколистные жиденькие вершины», т.е. душа его пуста и «мелка», он по большей части внешний, характер имеет «жиденький», однако он способен к перерождению. Берёза из сада Плюшкина мощна и сильна, сам он жил полной жизнью, но надежда на его возрождение мала, его душа лишена той самой свечи-верхушки.

Описание внешности. Портрет героя отличается неопределённостью, к женскому или мужскому полу относится человек, которого Чичиков перед собой видел, он не знал: *«Но тут увидел он, что это был скорее ключник, чем ключница: ключница, по крайней мере, не бреет бороды, а этот, напротив того, брил, и, казалось, довольно редко, потому что весь подбородок с нижней частью щеки походил у него на скребницу из железной проволоки, какою чистят на конюшне лошадей»* [Гоголь 1951: 116-117]. В описании лица метафора сменяется развёрнутым сравнением:

«**Лицо** его не представляло ничего особенного; оно было почти такое же, как у многих худощавых стариков, один **подбородок** только **выступал** очень далеко **вперед**, так что он должен был всякой раз закрывать его платком, чтобы не заплевать; **маленькие глазки** еще не **потухнули** и **бежали** из-под высоко выросших бровей, как **мыши**, когда, **высунувши** из **темных нор** **остренькие морды**, **насторожа уши** и **моргая усом**, они **высматривают**, **не затаился ли где кот** или **шалун мальчишка**, и **нюхают подозрительно самый воздух**» [Гоголь 1951: 117]. Одежда также представляет идею неопределённости, что выражается местоимениями и рядом однородных членов: «**На шее** у него тоже было повязано **что-то такое**, которого нельзя было разобрать: **чулок** ли, **подвязка** ли, или **набрюшник**, только никак не **галстук**» [Гоголь 1951: 117]. Наиболее известной является характеристика Плюшкина, вначале заданная прямым употреблением: «**показав ему спину**, **запачканную мукою**, с **большой прорехою пониже**» [Гоголь 1951: 114], а затем оформленная в виде метафоры: «**А между тем в хозяйстве доход собирался по-прежнему: столько же оброку** должен был принести мужик, **таким же приносом орехов обложена** была всякая баба, **столько же поставов холста** должна была **наткать ткачиха**, — **всё это сваливалось в кладовые**, и **всё становилось гниль и прореха**, и **сам он обратился наконец в какую-то прореху на человечестве**» [Гоголь 1951: 119].

Качества Плюшкина подобны его внешним характеристикам. Он скопидом, скуп, жаден, причём без выгоды. Если для Коробочки и Собакевича ещё существует материальная выгода, но нет очевидной цели, для осуществления которой деньги бы выступали средством, то для Плюшкина накопительство существует ради накопительства. Ранее он был образованным и неглупым человеком, но «распад» семьи повлиял на него таким образом, что, лишившись чувств, он лишился и рассудка, образно это передаётся с помощью поочередно следующих развёрнутых метафор: «**Одинокая жизнь** дала **сытную пищу скупости**, которая, как известно,

имеет **волчий голод** и чем более **пожирает**, тем становится **ненасытнее**; человеческие **чувства**, которые и без того **не были** в нем **глубоки**, **мелели** ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось в этой **изношенной развалине**» [Гоголь 1951: 119]. Раньше его жизнь была иной, был другим и он сам: «*Всё текло живо и совершалось размеренным ходом: двигались мельницы, валяльни, работали суконные фабрики, столярные станки, прядильни; везде, во всё входил зоркий взгляд хозяина и, как трудолюбивый паук, бегал, хлопотливо, но расторопно, по всем концам своей хозяйственной паутины*» [Гоголь 1951: 118]. Развёрнутое сравнение подчёркивает, насколько он был погружён в работу. Теперь же он об этих днях и любимых им людях старается и не вспоминать. Воспоминания о дорогих ему людях всё же были способны ненадолго «пробудить уснувшие чувства»: [Плюшкин] «*И на этом **деревянном лице** вдруг скользнул какой-то **теплый луч**, выразилось не чувство, а какое-то **бледное отражение чувства**, явление, подобное неожиданному появлению на поверхности вод утопающего, произведшему радостный крик в толпе, обступившей берег. Но напрасно обрадовавшиеся братья и сестры кидают с берега веревку и ждут, не мелькнет ли вновь спина или утомленные бореньем руки, — явление было последнее. Глухо всё, и еще страшнее и пустынное становится после того затихнувшая поверхность безответной стихии. Так и **лицо Плюшкина** вслед за мгновенно скользнувшим на нем чувством **стало еще бесчувственной и еще пошлее***» [Гоголь 1951: 126].

Описание жилища. Воплощая страсть Плюшкина ко всем бесхозным предметам без разбора, автор употребляет слова с уменьшительными суффиксами, подчёркивая тем самым даже совсем небольшой размер этой вещи: «*В комнате своей он подымал с пола всё, что ни видел: **сургучик**, **лоскуток бумажки**, **перышко**, и всё это клал на бюро или на **окошко***» [Гоголь 1951: 116-117]. Ряды однородных членов предложения подчёркивают, насколько щепетильно он относился ко всему, что его

окружало. Символом накопленного и истлевающего богатства выступает существительное с определением-приложением *замок-исполин* «Только одни главные ворота были растворены, и то потому, что въехал мужик с нагруженной телегой, покрытую рогожеею, показавшийся как бы нарочно для оживления сего вымершего места: в другое время и они были заперты наглухо, ибо в железной петле висел замок-исполин» [Гоголь 1951: 114].

Речь. Герой полон подозрительности, что отражается и в его речи, в разговоре с Чичиковым он не хочет признаваться, сколько душ находится в его владении, говорит о смерти метафорой: «А вы бы, батюшка, наплевали в глаза тому, который это сказывал! Он, пересмешиник, видно, хотел пошутить над вами. Вот бают, тысячи душ, а поди-ка сосчитай, а и ничего не начтешь! Последние три года проклятая горячка выморила у меня **здоровенный куш мужиков**» [Гоголь 1951: 121]. В разговоре с прислугой совсем теряет человеческое достоинство и бранится в присутствии Чичикова, употребляя грубые, недопустимые для дворянина слова: «Вот посмотрите, батюшка, какая **рожжа!** – сказал Плюшкин Чичикову, указывая пальцем на лицо Прошки. – **Глуп ведь, как дерево, а попробуй что-нибудь положить, мигом украдет!** Ну, чего ты пришел, **дурак, скажи, чего?**» [Гоголь 1951: 124]. Речь Плюшкина в полной мере отражает духовную смерть героя.

Отношение автора. Н.В. Гоголь с сожалением «наблюдает» за Плюшкиным, его настоящей жизнью, сожалеет о том, что герой не смог справиться с утратой близкого человека и дал возможность своим порокам вырваться наружу. Не случайно финале главы, посвящённой Плюшкину, описывает сумеречный пейзаж, где тень смешалась с солнечным светом, как и в душе этого несчастного помещика.

В русской языковой традиции Плюшкин стал олицетворять людей, которые обуреваемы страстью к накоплению ненужных вещей. Он представляет собой крайнюю степень духовной омертвелости, это предельная точка деградации человеческой души, которая вряд ли способна к

перерождению.

Текстовые доминанты образа Плюшкина:

1) Внешность: неопределенные местоимения, метафора (*подбородок-скребница*), сравнение (*глаза, как мыши*), эпитет (*деревянное* лицо).

2) Характер: метафора (*прореха на человечество, изношенная развалина*).

3) Речь: грубые, бранные слова.

4) Окружение (усадьба, дом): эпитет (*заплатанной*), уменьшительно-ласкательный суффикс в словах, описывающих предметы быта, определение-приложение (*замок-исполин*), ряды однородных членов предложения.

ВЫВОДЫ

Проведённый лингвостилистический анализ языковых средств, воплощающих образы помещиков в поэме Н.В. Гоголя «Мёртвые души», позволяет выявить следующее:

1. Содержание и структура прецедентного имени предполагает исследование средств языковой выразительности в комплексе аспектов: внешность, характер, речь и окружение героя. Среди большого разнообразия средств-репрезентантов превалируют сравнение, метафора, эпитет, слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом, однородные члены предложения. Самый богатый в количественном отношении компонент прецедентного имени — окружение героя. Каждый герой обладает полным спектром характеристик, однако в каждом образе автором наиболее рельефно изображается одна какая-либо черта.

2. Языковая репрезентация образа Манилова вскрывает его личностные особенности: неопределенность и наивность характера, пустая мечтательность, бездеятельность. С помощью таких средств выразительности, как пословица, контекстуальные антонимы, колоратив автор последовательно развивает образ помещика и приходит к выводу о

невозможности возрождения такого героя, ради спасения он может только переродиться.

3. Образ Коробочки наименее обрисован автором, ключевое значение в раскрытии её образа приобретает эпитет, данный ей Чичиковым, детали внутреннего убранства комнаты и двор. Её отличительная особенность, подчёркиваемая языковыми средствами репрезентации, состоит в глупости.

4. Словесный образ Ноздрева, его речь очень насыщены и колоритны. Они прекрасно иллюстрируют его страстную натуру. Страсть к вранью, выражаемой гиперболой, к алкоголю, игре, передаваемые тематической взаимосвязью лексем, к подлости составляют суть внутреннего мира этого персонажа.

5. Отражение образа Собакевича средствами языка происходит путём сосредоточения внимания читателя на внешней и внутренней схожести героя с животным, ярко обрисованной «медвежьей» метафорой, эпитетом и окказионализмом.

6. Языковая репрезентация образа Плюшкина наиболее полно передаёт внутренний мир героя метафорическими и синтаксическими средствами, подчёркивающими крайнюю степень жадности. Подобная гиперболизация позволила данному персонажу стать наиболее запоминающимся среди прочих образов.

ГЛАВА III. ИНВАРИАНТ ВОСПРИЯТИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН, ВОСХОДЯЩИХ К ПОЭМЕ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»

Выступая в русском коммуникативном сознании как прецедентные, имена персонажей поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» активно функционируют в современном языковом пространстве. Обращение к данным прецедентным феноменам многократно встречается в различных контекстах, как художественных, так и публицистических. В настоящей главе перед нами стоит задача охарактеризовать инвариант восприятия прецедентных имен *Манилов*, *Коробочка*, *Ноздрев*, *Собакевич* и *Плюшкин* в русской лингвокультуре.

3.1. Теоретические основы анализа функционирования прецедентных имен в русской лингвокультуре

Проблема функционирования прецедентных имен отражена в работах исследователей общей теории прецедентности (И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева, Г.Г. Слышкин и др.) и в научных концепциях ученых, акцентирующих внимание на изучении прецедентного имени как особого прецедентного феномена с характерными специфическими особенностями (Е.А. Нахимова, Р.В. Попадинец, Е.А. Флейшер и др.). Повышенный интерес к проблеме функционирования ПИ наблюдается в работах лингвистов, рассматривающих данный вопрос с точки зрения своеобразия языка СМИ (О.С. Боярских, Е.О. Наумова, О.И. Соколова, О.А. Ворожцова, С.С. Чащина, А.Б. Зайцева, М.С. Жданова, Е.А. Савкина, Е.П. Черногрудова, Е.В. Пучкова и др.).

В лингвистической литературе вопрос об особенностях функционирования прецедентных имен связан в первую очередь с проблемой определения данного прецедентного феномена как особого вербального знака-символа: «Прецедентные имена – это широко известные

имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб» [Нахимова 2007: 1].

Имя становится прецедентным в том случае, когда перестает обозначать конкретного носителя, а становится вербальным знаком некоего культурного концепта со своей уникальной системой ассоциаций, вызываемых им в сознании носителей языка. Известный исследователь-лингвист Г.Г. Слышкин в своей монографии «Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе» представил идею формирования прецедентности текста путем порождения последним концептов, которые сохраняются в сознании адресата, неоднократно воспроизводятся в межкультурном пространстве и организуют коллективный «сгусток культуры», имеющий положительную или отрицательную коннотацию в понятийной сфере лингвокультурного общества: «Текст вполне может служить основой для образования индивидуального концепта, но прецедентным текст становится лишь в процессе коммуникации, когда носителю концепта удастся добиться того, чтобы текст был включен в систему ценностей какой-либо группы» [Г.Г. Слышкин 2000: 30].

Эти тезисы, пожалуй, можно отнести к любому типу прецедентного феномена (прецедентное высказывание (ПВ), прецедентная ситуация (ПС), прецедентное имя) с текстовыми сферами-источниками. Как правило, прецедентный текст (ПТ) (в особенности относительно текстов классической художественной литературы) – источник ПИ, ПВ, ПС, которые, в свою очередь, взаимодействуют друг с другом в различных контекстах. Так, ученый Р.В. Попадинец в своем исследовании «Прецедентные имена в сознании носителя русского языка» дает следующее определение понятию ПИ – «имена литературных персонажей, известных людей, используемые в

данной лингвокультуре как отсылки к каким-либо прецедентным высказываниям, ситуациям или текстам» [Р.В. Попадинец 2006: 9].

Выше мы упоминали о сферах-источниках ПИ, отличительные признаки которых в свою очередь, так или иначе, влияют на нюансы функционирования ПИ, в связи с чем, следует указать, что в лингвистической науке наряду с текстовыми сферами-источниками выделяют социально-исторические. Для первой группы ПИ характерна наиболее глубокая лингвокогнитивная связь со сферой-источником, дифференциальные признаки подобных ПИ формируются в неразрывной связи с языковыми, стилистическими, жанровыми и другими особенностями текста-источника. Для ПИ с социально-исторической сферой-источником данная связь невозможна: дифференциальные признаки имен социально-исторических личностей формируются в комплексе разноавторских текстов⁷ (кино, музыка, реклама, научно-популярные статьи, теле-видео-передачи и т.д.) [Е.А. Флейшер 2014: 117].

Проблемой классификаций сфер-источников ПИ занимаются такие исследователи, как Е.А. Нахимова, Е.Г. Ростова, В.Г. Костомаров, А.Е. Супрун, Е.А. Флейшер и др. Текстовые и социально-исторические сферы-источники подразделяются учеными на различные подгруппы. Е.А. Флейшер предлагает, на наш взгляд, наиболее обстоятельную и вполне исчерпывающую классификацию:

I. Текстовые источники:

- 1) религиозные тексты;
- 2) античная литература и мифология;
- 3) художественная литература;
- 4) детская литература;
- 5) кинофильмы
- 6) фольклор;

⁷ В широком понимании понятия «текст»

7) анекдоты.

II. Социально-исторические источники:

8) социально-исторические деятели;

9) сфера шоу-бизнеса;

10) деятели культуры и искусства: писатели, философы, музыканты, композиторы и т.д. [Е.А. Флейшер 2014: 84].

В нашей работе исследуются ПИ со сферой-источником «Художественная литература». Специфика данных ПИ заключается в еще большем, в сравнении с другими текстовыми источниками, влиянии самобытности сферы-источника на особенности функционирования ПИ вне текста-производителя. За каждым художественным текстом, рождающим прецедентные феномены (в частности ПИ), стоит его высокоталантливый создатель, идиостиль и авторская позиция которого закрепляют в сознании носителей языка и культуры **инвариант восприятия прецедентного имени (ИВПИ)** – «общий для всех членов данного культурного сообщества, включающий национально детерминированный набор признаков в минимизированном, редуцированном виде. Именно наличие ИВПИ позволяет отличить прецедентное имя от непрецедентного» [И.В. Захаренко, В.В. Красных 1997: 84].

Имя, являющееся в национальной лингвокультуре прецедентным, может использоваться в контекстах в качестве обычного имени собственного, т.е. для отсылки читателя к конкретному носителю онима: «*«В экранизации поэмы «Мертвые души» режиссера Михаила Швейцера Юрию Богатыреву досталась роль **Манилова**»* [URL: <https://ria.ru/photolents/20120302/579237373.html>].

Подобное употребление ПИ в языковом контексте принято называть денотативным, или **экстенциональным** (в данном случае обращение к дифференциальным признакам прецедентного имени отсутствует), в противоположность коннотативному, или **интенциональному** (терминология

Д.Б. Гудкова). При интенциональном употреблении ПИ происходит обращение непосредственно к дифференциальным признакам этого имени (см. рис. 1), что и позволяет ПИ употребляться в качестве знака-символа: «*Конечно. Я не Манилов. Мечты нужно подкреплять работой*» [В.П. Бережной 1958: 14]

ПИ в подобных случаях используется носителем языка для характеристики объекта по внешности, чертам характера, атрибутам, а также для актуализации ПС, ПВ, ПТ, связанных с тем или иным ПИ. Все дифференциальные признаки ПИ можно разделить на «**связанные**» и «**независимые**». «Связанные» дифференциальные признаки предполагают функционирование ПИ в союзе с другими ПФ (**интенционально-прецедентное функционирование**), в этом случае ПИ является символом некой ПС, ПВ, ПТ. Так, в широко известной схеме ПИ В.В. Красных (см. рис. 1) отмечен такой дифференциальный признак ПИ, как связь с ПС, вследствие чего вполне возможным является выделение подобных дифференциальных признаков, а именно, связанных с ПВ и ПТ. В таком случае «связанные» дифференциальные признаки ПИ можно разделить на 3 вида:

- 1) дифференциальные признаки, связанные с ПС;
- 2) дифференциальные признаки, связанные с ПВ;
- 3) дифференциальные признаки, связанные с ПТ

[Е.А. Флейшер 2014: 88].

В свою очередь, «независимые» дифференциальные признаки ПИ функционируют в языке вне связи с другими прецедентными феноменами (**интенциональное функционирование**), они характеризуют предмет по известным нам параметрам, таким, как *черта характера, внешность* и возможно другим признакам без соотнесения, связанных с данным прецедентным именем ПС, ПВ, ПТ. В таком случае употребление ПИ в лингвокультурологической среде приближается к метафоре как языковой единице; понимание семантического наполнения того или иного контекста

здесь возможно без обращения к сфере-источнику ПИ и к другим его прецедентным феноменам.

ПИ может обладать как одним дифференциальным признаком, т.е. служить для характеристики личности и предметов только по внешности, или, например, только по чертам характера (**терминологическое ПИ**), но и множеством дифференциальных признаков, включающих характеристики и по чертам характера, и по внешности, и атрибутам, а в то же время способных актуализировать ПС, ПВ, ПТ (**полисемичное ПИ**) [И.В. Захаренко, В.В. Красных 1997: 91].

Анализ функционирования ПИ *Манилов*, *Коробочка*, *Ноздрев*, *Собакевич*, *Плюшкин* в различных контекстах показал, что данные ПИ являются полисемичными не только в значении их способности характеризовать объекты по различным дифференциальным признакам, но и в значении многозначности отдельно взятого дифференциального признака. Например, *черта характера*, как доминирующий дифференциальный признак исследуемых ПИ, включает в себе несколько конкретизированных психических свойств, которые возможно обозначить как **ведущие** и **сопутствующие** (устанавливаются по частотности употребления). К примеру, ПИ *Коробочка* функционирует в лингвокультурологической среде и как символ глупости, и как символ скопидомства. Ср.: 1) «*Я не думал, что среди моих земляков найдутся такие гоголевские **Коробочки**. А еще студент, без пяти минут ученый*» [Липкин 1976: 33]. 2) «*Авдотья, как баба, как **Коробочка**, по жадности все уговаривала меня заказать рожи, т.е. запретить в них брать грибы*» [Энгельгардт 1887: 94].

Таким образом, ПИ *Коробочка* характеризует объекты по дифференциальному признаку *черта характера*, **ведущий** из которых «глупость» (первый пример), **сопутствующий** – «скопидомство» (второй пример).

Но также следует обратить внимание на то, что в некоторых

контекстах, обращение к дифференциальному признаку *черта характера* являет собой апелляцию не к конкретизированному психическому свойству, а к целому ряду обобщенных отрицательных признаков гоголевских персонажей. В подобных примерах чаще всего представлена группа прецедентных имен, в ряду которых изучаемые нами ПИ. Например: «*Приглядишься к человеку—Коробочка, или Манилов, или даже Раскольников*» [НКРЯ: Варсегов-Грачева. «Котлету мне, котлету!» // Комсомольская правда, 2012.06.03].

В свою очередь, следует отметить, что не иначе как существование одновременно экстенционального и интенционального функционирования ПИ в речи отличает его от имени собственного и имени нарицательного. Экстенциональное функционирование исследуемых нами ПИ встречается, как правило, в литературоведческих работах. В нашем исследовании акцент сделан на интенциональное употребление обозначенных ПИ, так как именно данное употребление роднит ПИ с выразительными средствами языка, в частности с языковой метафорой и представляет научный интерес для лингвистических исследований.

Данный обзор научных теорий ПИ определяет специфику анализа особенностей функционирования прецедентных имен *Манилов, Коробочка, Ноздрев, Собакевич, Плюшкин*, произведенного нами на основе материалов (около 379 единиц) «Национального корпуса русского языка» по следующим параметрам:

- 1) своеобразие интенционального функционирования ПИ;
- 2) функционирование ПИ как полисемичного с выявлением «ведущих» и «сопутствующих» дифференциальных признаков.
- 3) своеобразие интенционально-прецедентного функционирования ПИ;

Из 379 единиц общего употребления данных ПИ в различных контекстах, интенциональное функционирование встречается в 282 случаях.

Наиболее частотным является использование ПИ *Плюшкин* (76 единиц), наименее частотным – ПИ *Коробочка* (34 единицы). В свою очередь ПИ *Манилов* встречается в 73 примерах употребления, ПИ *Собакевич* – в 52, ПИ *Ноздрев* – в 47 случаях.

Далее производится анализ отдельного ПИ с выявлением его «ведущих» и «сопутствующих» дифференциальных признаков и особенностей интенционально-прецедентного функционирования в порядке частотности употребления.

3.2. Особенности функционирования прецедентного имени

Плюшкин

Интенциональное функционирование. ПИ *Плюшкин* характеризует объекты действительности через дифференциальный признак *черта характера* по следующим конкретизированным свойствам:

1) паталогическое накопительство – **ведущий** признак (35 ед.). Например, в романе-детективе современной писательницы Александры Мариной «Чужая маска» один из персонажей произведения, некий эксперт Олег Зубов характеризуется следующим образом: «*Олег – известный **Плюшкин**, никогда ничего не выбрасывает, у него все годами копится, зато ничего не пропадает*» [НКРЯ: Александра Марина. Чужая маска, 1996].

Данный дифференциальный признак ПИ *Плюшкин* послужил основой для обозначения в обществе заболевания, относящегося к патологическим компульсивным расстройствам, характеризующееся в накопительстве и хранении огромного количества предметов, в которых у больного нет необходимости. Например, в автобиографическом произведении русского писателя XX в. Андрея Белого «Начало века» представлены портреты видных общественных деятелей того времени. Так, в одном из контекстов рассказывается о В.И. Танееве – русском философе, который был страстным коллекционером книг: «...ужасная страсть, перешедшая просто в **болезнь**,

его делала **Плюшкиным**; он, видя новую книгу, почти что ее выпрашивал; всякую дрянь подбирал; так, впоследствии, увидевши мое «Золото в лазури», так и затрясся он; я предложил ему взять эту книгу, чтобы «волнения страсти» унять» [НКРЯ: Андрей Белый. Начало века, 1930].

Подобная болезнь получила в обществе название – «Синдром **Плюшкина**». Например, экономического обозревателя газеты «Труд» беспокоят чрезмерные запасы золота и иностранной валюты ЦБ РФ, в связи с чем он отмечает: «Спору нет, золотовалютные резервы стране нужны, ибо они обеспечивают устойчивость всей финансовой системы. Но вот вопрос: в каком объеме они необходимы, а где начинается "**синдром Плюшкина**"?» [НКРЯ: Проценко Александр экономический обозреватель 'Труда'. Золотые наши россыпи // Труд-7, 2004.09.18].

2) непомерная скупость, скряжничество – **сопутствующий** признак (22 единицы). В одной из статей «Комсомольской правды», посвящённой проблемам экономики России, сообщается о решении государственных лиц вложить в инфраструктуру страны до половины средств ФНБ, что является, по мнению журналиста газеты, весьма неожиданным постановлением: «К удивлению многих, такое решение одобрил даже экс-министр финансов Алексей Кудрин, который всегда был правительственным **плюшкиным**» [НКРЯ: Евгений Беляков. Итоги международного форума в Санкт-Петербурге: Рубль будет дешеветь, бизнесмены выйдут на свободу // Комсомольская правда, 2013.06.24].

Атрибутом ПИ *Плюшкин* является куча старых, никому не нужных вещей. Так, в одном из выпусков журнала «Вестник США» рассказывается о художнике-коллажисте Люсе Котляр. Материалом для ее работ служили различные предметы быта, уже не представляющие никакой пользы для обычного человека, потерявших свое прямое назначение, но для художницы являющихся весьма значительными, в связи с чем Котляр собирала целые коллекции подобных вещей: «Выручают друзья и соседи — приносят всякие

*бесценные ненужности: кто — лоскут черного бархата, кто — ручку от дверцы. Несколько посылок пришло от незнакомых людей из Германии после того, как они прочитали о Люсе в газете. Люся не брезгует ничем. В этом смысле она немножко **Плюшкин**: ящики комодов забиты, для несведущего взгляда, всяким **барахлом**» [НКРЯ: Белла Езерская. Сиреневая маска (2003) // «Вестник США», 2003.10.15].*

Обращение к дифференциальному признаку *черта характера* ПИ *Плюшкин* как к неконкретизированному свойству в лингвокультурном обществе практически не встречается (единичное употребление), в отличие от других рассматриваемых нами ПИ, употребление которых в языковой среде не всегда связано с апелляцией к определенному психологическому свойству. Данная особенность ПИ *Плюшкин* свидетельствует о наиболее прочной, нежели у других ПИ, связи ПИ с четко конкретизированными в русском коммуникативном сознании дифференциальными признаками («патологическое накопительство» и «непомерная скупость»). Неоднократно ПИ *Плюшкин* в различных контекстах являет собой некий синоним скупца и скряги, что в наибольшей степени приближает его к имени нарицательному: «Превратиться всем в **плюшкиных** и никому ничего не давать!» [НКРЯ: Максим Бруснев. Должники, с вещами на выход! // Комсомольская правда, 2013.06.09].

Функционирование ПИ *Плюшкин* в языковой среде происходит не только через обращение к дифференциальному признаку *черта характера*, являющемуся главным в изучаемых нами ПИ, но и через обращение к дифференциальному признаку *внешность*: худощавый старик, одетый в лохмотья; неопределенного пола существо (7 ед.). Например, в книге современной писательницы Г.Н. Щербаковой «Подробности мелких чувств» героиня Мария как-то навещала свою заболевшую знакомую и увидела ее отца, облик которого оценила следующим образом: «...и видела ее отца, **старичка** в шапочке и пуховом платке на плечах. Он был Соломон. Мария

же подумала о нем тогда: "**Плюшкин**"» [НКРЯ: Галина Щербакова. Подробности мелких чувств, 2000].

Следует также заметить, что в данном контексте, обращение к дифференциальному признаку *внешность* далее подкрепляется обращением к ПТ: «*Вот такой Соломон и возник сейчас в голове у Марии, и данный, неухоженный холм вполне соответствовал старику - не то мужику, не то бабе*» [НКРЯ: Галина Щербакова. Подробности мелких чувств, 2000].

Интенционально-прецедентное функционирование (12 ед.) ПИ *Плюшкин*, как правило, проявляется через обращение к ПТ – детальному описанию Н.В. Гоголем представшего перед Чичиковым беспорядка в доме Плюшкина. Например, в фантастико-приключенческом романе советского писателя Е.И. Парнова «Третий глаз Шивы» ПИ *Плюшкин* функционирует в союзе с ПТ. Так, описание кабинета одного из персонажей произведения – химика А.В. Ковского представлено путем ввода в текст-реципиент интертекста. Затем следует характеристика персонажа произведения XX в. через употребление ПИ *Плюшкин*: «*На мгновение ему показалось, что он вновь попал на дачу в Жаворонках. Люсин подумал, что за всем этим эклектическим хаосом чувствуется определенная система, какая-то непостижимая сверхзадача. Он с любопытством оглядел вычерченные тушью таблицы и графики, которые, как белье на просушке, висели на протянутом через всю комнату по диагонали проводе в хлорвиниловой изоляции; рабочий стол, заваленный образцами монокристаллов, кусками серного колчедана, лазурита и агатовыми шлифами; цветы в облупившихся, позеленевших горшках; столик с круглым водяным термостатом, заваленный старыми батарейками, разноцветными сопротивлениями, дозиметрическими карандашами и позолоченными стекляшками гейгеровских камер. Похоже было, что здесь никогда и ничего не выбрасывают.*

— Наш шеф — известный **Плюшкин**, — усмехнулся наблюдательный

Сударевский» [НКРЯ: Еремей Парнов. Третий глаз Шивы, 1985].

Таким образом, ПИ *Плюшкин* в лингвокультурологической среде при интенциональном функционировании выступает как знак-символ непомерной скупости и патологического накопительства. Интенционально-прецедентное функционирование данного ПИ раскрывается через его связь с ПТ – подробное описание Н.В. Гоголем беспорядка в доме Плюшкина.

3.3. Особенности функционирования прецедентного имени *Манилов*

Интенциональное функционирование. ПИ *Манилов* характеризует объекты действительности через дифференциальный признак *черта характера* по следующим конкретизированным свойствам:

1) пустая, бездеятельная мечтательность – **ведущий** признак (20 ед.), апелляция к которому является наиболее частотной в лингвокультурологической среде: «*Правда, судя по некоторым предвыборным спичам, среди этой почтенной публики встречаются свои Маниловы, наяву грезящие о сказочно прекрасном завтра...*» [НКРЯ: Михаил Корневский. Гоголевские мотивы губернаторских выборов// Петербургский Час Пик», 2003].

2) простодушие и сентиментальность – **сопутствующий** признак (12 ед.) Например, в произведении Б.А. Лавренева «Рассказ о простой вещи» персонаж Семенухин так характеризует другого героя, Орлова, по его мнению, предателя, сдавшего белую контрразведке, чтобы спасти человека, арестованного из-за него по ошибке: «*Сейчас я с-созову экстренное собрание ревкома, для суда над Орловым... П-партии не нужны слаб-бодушные Маниловы! Вот!*» [НКРЯ: Б.А. Лавренив. Рассказ о простой вещи, 1924)].

3) наивность, граничащая с глупостью – **сопутствующий** признак (3 единицы). В историческом романе-эпосе П.Н. Краснова «От двухглавого Орла к красному знамени» политические взгляды государственного деятеля

Коржикова представляются следующим образом (речь персонажа Оскара Оскаровича): «*Социалисты русские, — сказал мне Коржиков, — это послушные идиоты, это Маниловы, мы их дразним красным платком, и они идут на плаху* [НКРЯ: П.Н. Краснов. От двухглавого Орла к красному знамени, 1924].

Обращение к дифференциальному признаку *черта характера* ПИ *Манилов* как к неконкретизированному свойству встречается в 10 случаях употребления. Важно отметить, что именно в подобных примерах нередким является употребление прецедентного имени во множественном числе, что приближает его к имени нарицательному, более того, наблюдаются примеры написания имени со строчной буквы (как и в примерах с ПИ *Плюшкин*): «*Не все у нас было хорошо, во все времена хватало маниловых, собакевичей, хлестаковых...*» [НКРЯ:].

Интенционально-прецедентное функционирование (28 ед.). ПИ *Манилов* в лингвокультурологической среде фигурирует как важный образующий компонент различных ПС, связанных с данным именем и описанных Н.В. Гоголем в поэме, обращение к которым в многочисленных контекстах является способом неординарной и изящной оценки тех или иных событий, происшествий, явлений действительности, волнующих автора текста-реципиента.

Многokrатно авторы обращаются в своих контекстах к следующей ситуации: Манилов, долго сидящий на стуле, курящий медленно трубку и предающийся своим пустословным феерическим размышлениям и фантастическим мечтам о «благополучии дружеской жизни» и постройке моста, на котором будут торговать купцы – ведущий дифференциальный признак ПИ *Манилов*, связанный с ПС. Данная ситуация стала «эталонной» ситуаций, связанных с «построением» воздушных замков, планированием некой иллюзорной деятельности, характеризующейся, невозможностью осуществления и навсегда остающейся в мечтах и празднословных

обещаниях. Показателен следующий пример: *«Что было: Главный архитектор столицы Александр Кузьмин объявил, что скоро на берегу Москвы-реки (в комплексе «Москва-сити») появится целый квартал небоскребов. Тут вам и самая большая в мире 115-этажная башня «Россия» (600 метров в высоту), и 200-метровая высотка «по мотивам Шаболовской телевизионной башни», и еще две - «Москва» (64 этажа) и «Питер» (53 этажа). Чему радоваться: Есть, есть у нас люди, для которых мечта Манилова (200-летней давности) не пустой звук, а очень даже наваристое дело»* [НКРЯ: И. Вирабов. Три свежих повода порадоваться жизни// Комсомольская правда, 2003]. Стоит также обратить внимание на подзаголовок новостной статьи: *«Москвичам подарят самую маниловскую башню в мире»*. Определение *«маниловская»* в еще большей степени подчеркивает точку зрения журналиста о невыполнимости данных проектов.

В типичных примерах нередко данный дифференциальный признак усиливается обращением к ПТ путем введения гоголевской цитаты (прямой или квазицитации). Например, российский историк Лев Лурье описывает ситуацию скандалов между «питерцами» и московскими политиками, вмешивающимися в жизнь города, в связи с чем осложняются взаимоотношения двух столиц: *«Дареному коню, как известно, в зубы не смотрят. Но почему-то раз за разом московские подарки Петербургу вызывают в городе не благодарность, а возмущение. Наверное, потому что московские «питерцы» несколько оторвались от исторической родины. И мечтают подобно гоголевскому Манилову: «О благополучии дружеской жизни, о том, как бы хорошо было жить с другом на берегу какой-нибудь реки, потом чрез эту реку начал строиться у него мост, потом огромный дом с таким высоким бельведером, что можно оттуда видеть даже Москву и там пить вечером чай на открытом воздухе и рассуждать о каких-нибудь приятных предметах...»* [НКРЯ: Лев Лурье. Дар под дых // «Огонек», 2013].

Александр Яковлев в мемуарах «Омут памяти», описывая утопические идеи эпохи «перестройки» отмечает: *«Повторяю, все мы, перестройщики, в той или иной мере были маниловыми, искренними и прекраснодушными <...> До истомы грезили о том, чтобы **построить ажурный мост через речку**, на нем лавочки для влюбленных, а по **мосту** торопятся наездники на восхитительных скакунах для прогулок на другом берегу. А там воздух любви, цветы на лугах да храм на холме»* [НКРЯ: Александр Яковлев. Омут памяти. Т.2, 2001].

Подобные примеры – яркий показатель взаимодействия ПИ с другими ПФ: одновременно с ПС (фантастические, далекие от реальной жизни мечтания Манилова) и с ПТ, путем цитирования.

Также следует отметить интересный факт: в апелляции к данному дифференциальному признаку специфическим **атрибутом** Манилова-мечтателя становится «*мост*» – предмет материальный, но существующий только в его грезах. В языковом обществе акцент на данный атрибут «освидетельствует» ситуации, связанные с явлениями, существующими только в воображении, а на деле являющиеся неосуществимыми. Например, в новостной ленте РБК сообщается об идее заместителя министра информационных технологий и связи создать в России новую фондовую площадку, которая станет, по его мнению, аналогом американской Nasdaq, но другие участники рынка уверены, что эффективной работы на новой бирже не будет: *«Российские ИТ-компании — это далеко не Америка, и не только у иностранных инвесторов к ним сейчас слабый интерес, но и у российских, поэтому даже если такая биржа и будет создана, что называется, по приказу, то это будет похоже скорее на проект Манилова построить хрустальный мост, на котором купцы торговать будут», — подытожил Артем Московский»* [НКРЯ: Мининформсвязи создает Nasdaq // РБК Daily, 2007].

Русский писатель-прозаик Ю.М. Нагибин в произведении «Дневник»

рассказывает читателю о неосуществившейся дружбе главного героя с неким Кривицким и подчеркивает следующее: *«Почему-то я ничего не написал о своем скандале с Кривицким из-за Михалкова. Это случилось дней десять назад во время тихой прогулки по территории. До этого мы уже подумывали о строительстве «моста дружбы» в духе Манилова и Чичикова»* [НКРЯ: Ю. М. Нагибин. Дневник, 1983].

Среди других ситуаций, связанных с ПИ *Манилов*, к которым обращаются авторы различных контекстов можно выделить следующие: «сладкая» беседа Манилова с Чичиковым, дискуссия Манилова и Чичикова по поводу того, кто кого должен пропустить в дверях, представление Маниловым Чичикову своих детей – Фемистоклюса и Алкида. Например, полуторачасовое собеседование журналиста, писателя Олега Попцова с президентом Белоруссии А.Г. Лукашенко описывается автором новостного сообщения так: *«Когда же собеседники переходили к обмену любезностями («Вы очень хорошо сказали...»; «А мне понравилась ваша мысль...»), то в голову лезли Манилов и Чичиков, которые при встрече в Маниловке, выказали взаимное расположение...»* [НКРЯ: Высокие отношения, или Как операторская вдова себе в морду дала // РИА Новости, 2005.07.19]. Отметим еще один интересный факт: в заглавии статьи автор ссылается на другой гоголевский текст (комедию «Ревизор»), трансформируя прецедентное высказывание: *«Как унтер-офицерская вдова сама себя высекла»*.

Нередко употребление ПИ *Манилов* обосновано необходимостью ввести в языковое общение прецедентное высказывание: *«храм уединенного размышления», «именины сердца», «разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек», «В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: «Какой приятный и добрый человек!» В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: «Черт знает что такое!» – И отойдешь подальше; если ж не отойдешь, почувствуешь скуку смертельную»* и др. Например, в одной журналистской статье политические

деятели советской и современной России характеризуются посредством ПВ, связанного с гоголевским персонажем: «*И было бы логичным в той же рубрике рассказать о более значимых личностях. Например, о современных Маниловых. Первый такой отчетливо национальный тип явился к нам с перестройкой <...> половина человечества состоит из людей, которые знают, о чем следует говорить, но не умеют; второй же половине нечего сказать, но они могут говорить бесконечно! Вот и страна наша поначалу сказала: «Какой приятный и добрый человек!» А затем: «Черт знает что такое!» И отошла в сторону» ...» [НКРЯ: С. Катин. Похожий на Собакевича // Известия, 30.03.2002].*

Таким образом, ПИ *Манилов* в лингвокультурологической среде при интенциональном функционировании выступает как знак-символ пустого, бездеятельного мечтателя, простодушного сентименталиста и наивного глупца. При интенционально-прецедентном функционировании ПИ *Манилов* происходит апелляция в первую очередь к такому «связанному» дифференциальному признаку, как связь ПИ с ПС: *Манилов*, предающийся своим иллюзорным, фантастическим мечтам после отъезда Чичикова.

3.4. Особенности функционирования прецедентного имени *Собакевич*

Интенциональное функционирование. Описывая особенности функционирования ПИ *Собакевич*, следует указать, что данное ПИ, в отличие от проанализированных выше, активно функционирует в языковом социуме по двум дифференциальным признакам: *черта характера* (16 ед.) и *внешность* (12 ед.). В свою очередь, дифференциальный признак *черта характера* классифицируется по следующим свойствам:

1) грубость и недоверие к людям, обыкновение видеть во всех исключительно мошенников и мерзавцев – **ведущий** признак (7 ед.). Например, в детской повести К.И. Чуковского «Серебряный герб» образ

грозного судьи обрисован через сравнение с помещиком «Мертвых душ»:

«– Не знаю, что такое абсолютно прямые улики,– ответила мама все так же медлительно, – но знаю, что Циндилиндер – не вор.

Однако тот похожий на Собакевича тучный судья, перед которым через две-три недели предстали Циндилиндер и Циля, держался другого мнения: он был непоколебимо уверен, что перед ним самые настоящие воры» [НКРЯ: К.И. Чуковский. Серебряный герб, 1936]. Также, следует заметить, что в данном примере происходит отсылка не только к дифференциальному признаку *черта характера*, но и одновременно к дифференциальному признаку *внешность*, на что указывает лексема «*тучный*».

2) **безыскусность и приземленность восприятия окружающего мира – сопутствующий** признак (5 единиц). Например, народный артист РФ Ю.П. Любимов в одном из интервью о Москве, родном городе актера, дает оценку памятнику венчания А.С. Пушкина и Н.Н. Гончаровой, установленному у храма «Большое Вознесение», который не вызывает у актера никакой симпатии. Ю.П. Любимов указывает на несоразмерность элементов данного произведения архитектуры:

«– Нравится ли вам памятник, возведенный перед храмом, где это венчание и произошло?

– Эта беседочка просто ужасна. Некоторые, правда, говорят, что ее делал какой-то одаренный человек, но как они не видят, что это сооружение с его полной диспропорцией очень бы подошло Собакевичу» [НКРЯ: Славуцкий Александр. Юрий Любимов: города моего детства давно нет // Труд-7, 2003.06.10].

Атрибутом ПИ *Собакевич* при апелляции к дифференциальному признаку «безыскусность и приземленность восприятия окружающего мира» в лингвокультурологической среде становится тяжелая и громоздкая мебель, как в доме персонажа «Мертвых душ», которая, вспоминая Н.В. Гоголя «говорила»: «*И я тоже Собакевич!*». Например, в одной из статей газеты

«Труд» рассказывается о выставке мебели в Гостином дворе, особенности дизайна которой описаны следующим образом: *«А вот старинный, сделанный словно по заказу **Собакевича** монументальный буфет из массива норвежской сосны, без металлических гвоздей, с коваными элементами декора – всего лишь стилизация. Он изготовлен из специально «состаренного» дерева»* [НКРЯ: Веледницкий Анатолий. Деньги на бочку, или сколько стоит пятое колесо // Труд-7, 2001.02.12].

3) пристрастие к еде – **сопутствующий** признак (4 единицы). Так, в романе русского прозаика XIX – нач. XX в. И.Н. Потапенко «Не герой» персонаж Рачеев, обладающий прекрасным аппетитом осуждает петербуржцев, по его мнению, совсем не умеющих «правильно» есть:

*«– И все-таки они не умеют есть! – повторил Рачеев. – Вот смотрите, я на ваших глазах съел четыре котлеты и, пожалуй, если вы не найдете это неприличным, съем еще одну... Я не сомневаюсь, что и Николай Алексеич, и всякий другой петербуржец способен вместить в себя такое же количество пищи, но ему нужно для этого пять перемен, пять вариаций, пять обманов. <...> А мы едим, как **Собакевич** ...»* [НКРЯ: И.Н. Потапенко. Не герой, 1891].

В подобных примерах неким **атрибутом** ПИ *Собакевич* выступает «бараний бок». Например, в одной комичной интернет-статье «Скажи, что ты ешь, и я скажу какой ты политик!» о советском и российском государственном деятеле В.С. Черномырдине можно прочитать следующее: *«Наверное, редкий представитель нашего истеблишмента умеет есть в таких объемах и с таким вдохновением, с каким это проделывает Виктор Черномырдин. На обед он просит подать ему хорошо прожаренный бараний бок с ребрышками и соленьями (привет **Собакевичу!**)»* [НКРЯ: Итоговый выпуск – 07.12.04 18:00 – Екатеринбург // Новый регион 2, 2004.12.08].

Обращение к дифференциальному признаку *черта характера* ПИ *Собакевич* как к неконкретизированному свойству встречается в 9 случаях

употребления. Например, об отрицательных качествах членов госдумы в одном из номеров газеты «Известия» сатирически высказывается: *«То есть подлинная проблема в том, что у нас в Думу вполне демократически попадают даже Собакевичи и подобные ему «герои» [НКРЯ: Под небом Шиллера и Гете].// «Известия», 2002.04.23].*

При апелляции к дифференциальному признаку *внешность* ПИ *Собакевич* становится знаком-символом человека массивного, грузного телосложения. Например, в книге Б. Е. Ефимова «Десять десятилетий. О том, что видел, пережил, запомнил» приводится разговор автора с Ф.Г. Раневской о внуке Бориса Ефимовича, который с раннего детства отличался полнотой:

«– А это, Фаиночка, наш внук, Витя. А есть еще внук поменьше, Андрюша, которого мы называем Поросюкевич.

Фаина Георгиевна улыбнулась сквозь слезы:

– Поросюкевич? Это очаровательно. А почему?

– А он с рождения был толстенький, как поросенок.

С тех пор, где и когда бы мы ни встречались, Раневская неизменно спрашивала:

– А как поживает ваш очаровательный Собакевич?

– Не Собакевич, а Поросюкевич, – обиженно поправлял я»

[НКРЯ: Борис Ефимов. Десять десятилетий, 2000].

Интенционально-прецедентное функционирование (15 ед.) ПИ *Собакевич* проявляются в его связи с различными ПВ, наиболее употребительные из которых – яркие замечания Собакевича о своих предпочтениях в еде: *«мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот», «когда свинина – всю свинью давай на стол, баранина – всего барана тащи, гусь – всего гуся!»*. Также в языковом обществе встречаются такие ПВ, связанные с данным ПИ, как: *«первый разбойник в мире», «все христонпродавцы»*. Например, русский писатель В. Н. Войнович в одном из интервью рассказывает о своей поездке в Китай и их национальной кухне:

«Что еще впечатлило, так это китайская еда. Я человек не всеядный, я, как **Собакевич**: лягушек не ем, даже если их сахаром облени. И я сразу сказал китайским ребятам: «Лягушек, змей и собак есть не буду» [НКРЯ: Позднякова Ксения. Деточка, все мы немножко лошади... // Труд-7, 2006.09.28].

Таким образом, ПИ *Собакевич* при интенциональном функционировании выступает как знак-символ человека грубого, страстно любящего поесть и знаком-символом личности, далекой от искусства, с весьма приземленным восприятием окружающего мира. Интенционально-прецедентное функционирование данного ПИ раскрывается через его связь с выше обозначенными ПВ.

3.5. Особенности функционирования прецедентного имени *Ноздрев*

Интенциональное функционирование. ПИ *Ноздрев* характеризует объекты действительности через дифференциальный признак *черта характера* по следующим конкретизированным свойствам:

1) пристрастие ко лжи и преувеличениям – **ведущий** признак (10 ед.). Например, в общественно-политической газете «Труд» представлена публикация о Ф.Г. Раневской, где рассказывается о том, что знаменитая актриса советского театра и кино любила придумывать клички для своих коллег: «*Директору-распорядителю Валентину Марковичу Школьникову, человеку доброму, отзывчивому, подлинно преданному театру, но порой излишне обещающему и фантазирующему: – "Где этот Дошкольников, где этот еврейский **Ноздрев!**"*» [НКРЯ: Евгений Стеблов: Режиссером у Раневской был Пушкин // Труд-7, 2000.05.27].

2) скандальность и буйство – **сопутствующий** признак (9 ед.). Например, одна из статей «Комсомольской правды» рассказывает о том, как своеобразиие домашнего интерьера, определенные вещи и их цвета, в окружении которых живет человек, влияют на его характер. Обращение к ПИ

Ноздрев обусловлено в этой статье проблемой создания обстановки, подходящей для «усмирения» агрессивного и чрезмерно активного характера человека: *«Лечебный дизайн для него - «плаксивый», слабый. Лучшее убранство для его квартир – преобладание всевозможных тканей, податливых, гуттаперчевых материалов. Мягкое окружение будет уравнивать характер такого **Ноздрева**»* [НКРЯ: Екатерина Щеголева. Век XXI у дверей – перекрой свой дом скорей! // Комсомольская правда, 2000.12.23].

3) пьянство и кутеж – **сопутствующий** признак (5 ед.). Так, в романе современного писателя А.А. Макушинского «Город в долине» характеристика приятеля юности главного героя Вика, отличающегося любовью к разгульной жизни, представлена следующим образом: *«Кто сей **Ноздрев**? спросил Двигубский. Мы пошли по подземному переходу на другую сторону улицы Горького, затем под арку, ко мне. Это не **Ноздрев**, это хуже. Я вспомнил, конечно, как и сейчас вспоминаю, немногие – не до конца, следовательно, съеденные забвением эпизоды Виковой разгульной эпохи, ужасную бессонную ночь в шальной квартире, пустой и грязной одновременно, с матрасами на полу и выставкой бутылок у голой стены, в новостройке где-то за Самотекой»* [НКРЯ: Алексей Макушинский. Город в долине, 2012].

Обращение к дифференциальному признаку *черта характера ПИ Ноздрев* как к неконкретизированному свойству встречается в 12 случаях употребления. Например: *«В политическом лицедействе наряду с ряжеными казаками и купчиками легко угадывались Хлестаковы и **Ноздревы**, Бобчинские и Добчинские»* [НКРЯ: Михаил Кореневский. Гоголевские мотивы губернаторских выборов (2003) // «Петербургский Час пик», 2003.09.03].

При интенциональном функционировании ПИ *Ноздрев* встречается несколько примеров, в которых отсылка происходит не к

дифференциальному признаку *черта характера*, а дифференциальному признаку *внешность* (3 ед.): свежий, здоровый человек, с яркой внешностью, «полными румяными щеками, с белыми, как снег, зубами и черными, как смоль, бакенбардами». Например, в биографическом произведении «Театр моей жизни» Вениамин Смехов, рассказывая о судьбе П.И. Новицкого – советского искусствоведа и театрального критика, употребляет ПИ *Ноздрев* в следующем контексте: *«Его послужной список: годы революции и Белого террора – в Крымском университете и в крымском подполье. Один из чудом уцелевших подпольщиков. Его спас красавец-усач (условно именованный им как "эдакий Ноздрев"), устроивший ему побег из тюрьмы, а себе – расстрел»* [НКРЯ: Вениамин Смехов. Театр моей памяти, 2001].

Интенционально-прецедентное функционирование (8 ед.) ПИ *Ноздрев* обнаруживается в его связи со следующей прецедентной ситуацией: *Ноздрев*, рассказывающий свои красочные небылицы. Данная ПС в языковой среде выступает символом ситуаций, в которых информация, предоставленная тем или иным субъектом общества, является ложной. Например, в газете «Известия» за 2002 г. опубликована статья, сообщающая об обвинении французским телевидением России, в том, что русская мафия снабжает исламских террористов атомными бомбами. Некий человек, передающий зарубежным корреспондентам «разоблачительный материал на военную тематику», являющийся дезинформацией, назван автором статьи *Ноздревым*: *«Чиновники губернского города только в силу своего невежества не поинтересовались у помещика Ноздрева, не является ли Чичиков делателем атомных бомб. Ноздрев тут же бы и сам представился в качестве атомного физика, рассказал, как они вместе с Чичиковым самолично перелопатили много тонн урана-235 и плутония-239, и даже сообщил бы, что он, Ноздрев, своими руками соединял половинки плутониевого заряда, чтобы проверить критическую массу и попутно вычислить тротиловый эквивалент эксплозии – чему зять Межуев и поручик*

Кувшинников свидетели» [НКРЯ: Максим Соколов. 28.IX – 4.X. // «Известия», 2002.10.04]. Заметим, что при включении ПС в текст автор также стилизуется «под Гоголя» и «для достоверности» использует имена зять «Межуев» и поручик «Кувшинников».

Таким образом, ПИ *Ноздрев* в лингвокультурологической среде при интенциональном функционировании выступает как знак-символ буйного характера, скандалиста, лгуна и кутилы. Интенционально-прецедентное функционирование данного ПИ раскрывается через его связь с ПС: Ноздрев, рассказывающий свои красочные небылицы.

3.6. Особенности функционирования прецедентного имени *Коробочка*

Интенциональное функционирование. ПИ *Коробочка* характеризует объекты действительности через дифференциальный признак *черта характера* по следующим конкретизированным свойствам:

1) глупость – **ведущий** признак (7 ед.). Например, один из интернет-критиков говорит о телезрителях, не воодушевившихся классическим кинопроизведением, следующее: «*Были себе такие Марьи Антоновны – ах – а они уже и Коробочки, и чего уж тут удивляться, что они нервничают, когда им показывают что-нибудь не такое простое, как «Кармелита» какая-нибудь?!»* [НКРЯ: Кому понравилось «Дело о «Мертвых душах»? // Комсомольская правда, 2005.09.12]. Данный контекст – еще один пример, демонстрирующий одновременное употребление гоголевских прецедентных имен, восходящих к разным произведениям. Употребление ПИ *Коробочка* вслед за *Марьей Антоновной* из комедии «Ревизор» усиливает отрицательную характеристику телезрителей.

2) скопидомство – **сопутствующий** признак (6 ед.). Так, в романе – В. Валеевой «Скорая помощь» описание свойств характера одной из героинь представлено следующим образом: «*Мягкая и округлая с виду, Нина*

*Андреевна славилась своей прижимистостью, за что в больнице ее метко прозвали **Коробочкой**, а кое-кто, наиболее уязвленный ее неподатливостью на уговоры поделиться, — даже Свиньей-копилкой»* [НКРЯ: В. Валеева. Скорая помощь, 2002].

3) хозяйственность и домовитость – **сопутствующий** признак (3 ед.). Например, в газетной статье, посвящённой описанию семейной жизни Н.С. Хрущева, о его жене узнаем следующее: *«Нина Петровна была экономной и строгой хозяйкой. <...> За ней закрепилось среди обслуживающего персонала и охраны прозвище **«Коробочка»*** [НКРЯ: Николай НАД (Добрюха). Жену Хрущева боялись даже охранники // Комсомольская правда, 2013.02.07].

Обращение к дифференциальному признаку *черта характера* ПИ *Коробочка* как к неконкретизированному свойству встречается в 8 случаях употребления, как и другие имена, в данном случае имя употребляется во мн. ч. и в ряду других ПИ, приближаясь тем самым к имени нарицательному: *«Сонмы современных **Коробочек**, Собакевичей, Антонов Ивановичей Кувшинных Рыл благодаря Караулову каждую неделю являются зрителям ТВЦ, давая потрясающие поводы для пересудов и размышлений»* [НКРЯ: Крюкова Антонина телегид. Александр Нехорошев: Переманивать никого не собираемся // Труд-7, 2000.10.13]

Интенционально-прецедентное функционирование (10 ед.). Среди «связанных» дифференциальных признаков ПИ *Коробочка* в лингвокультурологической среде выделяется функционирование данного ПИ в союзе с ПТ, а именно общеизвестным гоголевским описанием богатого угощения для Чичикова в доме Коробочки. На сайтах интернет сети можно встретить немало так называемых «кулинарных рецептов от Коробочки». Например, заголовок одной из статей звучит следующим образом: *«**К Коробочке** – на шанишки, к Пульхерии Ивановне – на вареники»* [URL: <http://www.kp40.ru/news/kp/14314/>].

Употребление ПИ в подобных контекстах способствует воссозданию в памяти носителя языка «грибков», «пирожков», «скородумок», «шанишек», «прягл», «лепешек со всякими припеками», возбуждающих бурный аппетит читателя, и рецепты такого типа вряд ли останутся без внимания многочисленных интернет-пользователей.

Среди ПВ, связанных с ПИ *Коробочка* обнаружены следующие: «Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнацией!», «Почем ходят мертвые души?», «Нешто хочешь ты их откапывать из земли?», «Может, ты привык, отец мой, чтобы кто-нибудь почесал на ночь пятки?», «Может, ты, отец мой, меня обманываешь, а они того... они больше как-нибудь стоят?».

Например, современный российский историк А.А. Левандовский, рассуждая в научной статье «Безупречный министр – министр финансов» о проблеме инфляции в период правления императора Александра I, пишет: «Царь никак не мог понять, что надвигается хаос, на страну обрушивается страшная инфляция. Вспоминается вопрос *Коробочки* Павлу Ивановичу Чичикову: «Как, батюшка, будешь рассчитывать, на ассигнации или на серебро?». Происходило резкое падение цены бумаги по отношению к серебру. Инфляция составляла порядка 40 процентов» [НКРЯ: Андрей Левандовский. Безупречный министр // «Знание-сила», 2013].

Таким образом, ПИ *Коробочка* при интенциональном функционировании выступает как знак-символ глупости, скопидомства и домовитости. Интенционально-прецедентное функционирование данного ПИ раскрывается, в первую очередь, через его связь с ПТ – описанием Н.В. Гоголем богатого стола *Коробочки*, изобилующего различными произведениями кулинарного искусства.

ВЫВОДЫ

1. Имена персонажей поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» относятся к

числу прецедентных. Инвариант восприятия данных ПИ связан, главным образом, с обращением к дифференциальному признаку *черта характера*. Данные ПИ воспринимаются в русской лингвокультуре как знаки-символы различных пороков. Несмотря на общую «мертвость» гоголевских героев, каждый из помещиков – яркий образ, выделяющийся индивидуальностью языковых характеристик. Анализ контекстов, представленных в Национальном корпусе русского языка, показал, что ПИ *Манилов*, *Коробочка*, *Ноздрев*, *Собакевич* и *Плюшкин* отличаются обилием индивидуальных конкретизированных дифференциальных признаков.

2. ПИ *Плюшкин* – первое в ряду гоголевских помещиков по частотности употребления в языковом пространстве, выступает как символ человека, обузданного страстью к накопительству, символом скряги.

3. ПИ *Манилов* в русском коммуникативном сознании выступает чаще всего как знак-символ пустого мечтателя, планам которого не суждено осуществиться.

4. ПИ *Собакевич* в ряду помещиков «Мертвых душ» отличается многократным обращением не только к дифференциальному признаку *черта характера*, но и к дифференциальному признаку *внешность*, функционируя в контекстах символом человека массивного телосложения. Как носитель порока *Собакевич* выступает чаще всего символом грубого, никому не доверяющего человека.

5. Анализ функционирования ПИ *Ноздрев* позволил определить «ведущий» дифференциальный признак данного имени – страсть ко лжи.

6. Инвариант восприятия ПИ *Коробочка* связан в первую очередь с обращением к такому дифференциальному признаку, как глупость. Также данное имя функционирует в контекстах как символ скопидомства и хозяйственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русская лингвокультура насыщена прецедентными именами, среди которых важное место занимают персонажи поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души». Средствами, способствующими прецедентности, явились многообразные языковые способы выразительности, которые можно систематизировать в соответствии с уровневой организацией языка и речи. Важную роль играет и внутренняя форма слова, поскольку она органически наиболее близка самой идее взаимосвязи звучания, звукового оформления и значения слова.

Арсенал лингвостилистического анализа художественного текста весьма велик, на объективацию авторского замысла исследователя могут натолкнуть и тропы, и частеречный статус слова, и синтаксическое средство. Поэтому анализ в совокупности средств выражения позволяет составить наиболее полную характеристику прецедентных имён, к которым, безусловно, относятся все образы-помещики поэмы — Манилов, Коробочка, Ноздрев, Собакевич и Плюшкин. Подробный анализ языка текста-источника прецедентного имени в заданной последовательности поэтапно вскрывает множество характеристик героев, выявляя в них текстовые доминанты, которые, в свою очередь, способствовали формированию инварианта восприятия изучаемых нами прецедентных имен.

Обнаружение текстовых доминант создания образов персонажей, и следуемый затем анализ функционирования прецедентных имен в различных контекстах наглядно демонстрируют, как каждое «гоголевское» слово буквально впитано в инвариант восприятия прецедентного имени, как каждый «словесный образ» текста-производителя ПИ отпечатывается в «ведущих» и «сопутствующих» признаках ПИ.

Среди исследуемых нами ПИ первое место по частотности употребления в художественных и публицистических текстах занимает ПИ

Плюшкин. Текстовые доминанты создания его образа (метафора «*прореха на человечество*», ряды однородных членов в описании окружения героя и др.) способствовали формированию в языковой среде восприятия данного имени как символа непомерной скупости, болезненного накопительства.

В свою очередь ПИ *Манилов* выступает в русском языковом сознании как знак бездеятельного мечтателя, простодушного сентименталиста и наивного глупца. Формированию инварианта восприятия данного ПИ способствовали такие доминирующие средства, как пословица («*Ни в городе Богдан, ни в селе Селифан*»), лексика с уменьшительно-ласкательными суффиксами, прилагательные в превосходной степени сравнения (в речи персонажа) и др.

ПИ *Собакевич* предстает в контекстах как средство характеристики человека массивного телосложения, подобное восприятие сформировалось посредством «медвежьей» метафоры, «собачьего» эпитета и др. В обращении к дифференциальному признаку *черта характера* ПИ *Собакевич* отличается такими конкретизированными свойствами, как грубость, пристрастие к еде, приземленность восприятия окружающего мира. Данные дифференциальные признаки исходят из гоголевского языка (окказионализм «*омедведила*», опрокинутый диалог с оценочными словами в речи персонажа и др.)

ПИ *Ноздрев* в исследуемых нами контекстах является символом лгуна, любителя кутежа, скандалиста и пьяницы. Гипербола в речевой характеристике героя, тематическая группа «Алкогольные напитки», эмоционально-окрашенные предложения и др. привели к употреблению данного имени, в качестве знака названных выше пороков.

ПИ *Коробочка* менее употребительно в языковой среде, чем остальные ПИ «Мертвых душ», но так же являет собой яркий образ с индивидуальными чертами. Текстовые доминанты образа, эпитет «дубинноголовая», тематическая группа «Деньги», «Товар», «Продукты питания» и др. сформировали восприятие данного имени как символа глупости,

скопидомства и в тоже время, хозяйственности.

Таким образом, персонажи бессмертной поэмы Н.В. Гоголя живут среди нас, их имена активно функционируют в языке как прецедентные феномены.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдалян, И.П. Стилистика русского языка [Текст] / И.П. Абдулян, И.Н. Иванова; под общ. ред. И.П. Абдулян. – М.: Спутник, 2000. – 148 с.
2. Абдулаева, Т.К. Особенности идиостиля Н.В. Гоголя в поэме «Мёртвые души» [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.К. Абдулаева. – Махачкала, 2011. – 171 с.
3. Алексеев, М.П. Гоголь: Статьи и материалы [Текст]: учеб. пособ. вузов / М.П. Алексеев. – Ленинград: ЛГУ, 1954. – 394 с.
4. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории [Электронный ресурс] / Н.Ф. Алефиренко // Вестник Вятского государственного университета. – 2008. – С. 75-78. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-lingvistika-predposylki-predmet-kategorii>.
5. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: сборник. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.
6. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика [Текст]: учебник; практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 496 с.
7. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества [Текст] / сост. С.Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
8. Беззубикова, М.В. Внутренняя форма слова как средство создания словесной образности в прозаических текстах малых жанровых форм [Текст] / М.В. Беззубикова // Гуманитарные науки. – 2008. – № 3. – С. 23-30.
9. Бирих, А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник [Текст] / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб.: Фолио-Пресс, 2001. – 704 с.
10. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус [Текст] / Н.С. Болотнова. – М.: Флинта, 2008. – 384 с.
11. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Гл. ред.

С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2008. – 1536 с.

12. Боярских, О.С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004-2007гг.) [Текст]: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / О.С. Боярских. – Нижний Тагил, 2008. – 230 с.

13. Будагов, Р.А. Метафора и сравнение в контексте художественного целого [Текст] / Р.А. Будагов // Русская речь. – М., 1973. – №.1. – С. 26-31.

14. Винарская, Е.Н. Выразительные средства текста [Текст] / Е.Н. Винарская. – М.: Высшая школа, 1989. – 136 с.

15. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 256 с.

16. Виноградов, В.В. Язык Гоголя и его значение в истории русской литературы [Текст] / В.В. Виноградов // Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой: Избранные труды / РАН Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова; Отв. ред. А.П. Чудаков. – М.: Наука, 2003. – С. 54-96.

17. Ворожцова, О.А. Прецедентные феномены в российском и американском предвыборном президентском дискурсе 2004 года [Текст] / О.А. Ворожцова // Политическая лингвистика. – 2007. – № 3. – С.69-73.

18. Выготский, Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. [Текст] /Л.С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.

19. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений [Текст]. В 14 т. Т.6. Мертвые души. Том первый / Н.В. Гоголь. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 247 с.

20. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений [Текст]. В 7 т. Т. 6. Статьи / Н.В. Гоголь; коммент. Ю. Манна. – М.: Худож. лит., 1986. – 543 с.

21. Голуб, И.Б. Русский язык и культура речи: учебное пособие [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/part-014.htm> (дата обращения: 25.12.2017).

22. Голуб, И.Б. Книга о хорошей речи. Переименование [Электронный ресурс]. URL: <http://sv-scena.ru/Bib/Книга-о-khoroshejj-rechi.s12680.html> (дата

обращения: 19.05.2017)

23. Голубева, Н.А. Прецедент и прецедентность в лингвистике [Электронный ресурс] / Н.А. Голубева // Вестник Вятского государственного университета. Лингвистика.– 2008.– Режим доступа:
<https://cyberleninka.ru/article/v/pretsedent-i-pretsedentnost-v-lingvistike>.
24. Григорьев, В.П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников [Текст] / В.П. Григорьев. – М.: Наука, 1983. – 223 с.
25. Гринкова, Н.П. Изучение языка писателя [Текст]: учеб. пособ. вузов / Н.П. Гринкова. – М.: Академия, 1957. –186 с.
26. Гудков, Д.Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского (результаты эксперимента) [Текст] / Д.Б. Гудков // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Филология, 1998. – № 4. – С. 82-93.
27. Гудков, Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Д.Б. Гудков. – М., 1999. – 41с.
28. Дудко, Н.П. Что же представляет собой мысль Н. В. Гоголя в поэме «Мертвые души» [Текст]: учеб.–метод. пособ. / Н.П. Дудко. – М.: Академия, 2008. –106 с.
29. Еремина, Л.И. О языке художественной прозы Н.В. Гоголя [Текст]: учеб. пособ. вузов / Л.И. Еремина. – М.: Искусство, 1987. – 176 с.
30. Ефимов, А.И. Стилистика русского языка [Текст]: учеб. пособ. вузов / А.И. Ефимов. – М.: Просвещение, 1969. – 263 с.
31. Жаева, Р.Р. Способы актуализации прецедентных феноменов в публицистических текстах Ю.Д. Поминова [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Р.Р. Жаева. – Кемерово, 2012. – 25 с.
32. Жирмунский, В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика [Текст] / В.М. Жирмунский. – М.: Наука. Ленинградское отделение, 1977. – 407 с.
33. Замалютдинова, Э.Р. Соматическая лексика как средство

выразительности в произведениях Н.В. Гоголя (на материале поэмы «Мёртвые души») [Текст] / Э.Р. Замалютдинова // Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152, кн. 2. – С. 230-235.

34. Захаренко, И.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов [Текст] / И.В. Захаренко и [и др.] // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Филология, 1997. – Вып. 1. – С. 82-104.

35. Зинина, Е.А. Изобразительно-выразительные средства языка. Тропы. Сравнение [Текст]: учеб. пособ. вузов / Е.А. Зинина. – М.: Академия, 2006. – 186 с.

36. Караулов, Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности [Текст] / Ю.Н. Караулов // Русская языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.

37. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: ЛКИ, 2010. – 216 с.

38. Киреева, Ю.Н. Идиостилевые доминанты в текстовом пространстве В. Токаревой [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Ю.Н. Киреева. – Белгород, 2016. – 23 с.

39. Кожина, М.Н., Стилистика русского языка [Текст]: учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – 4-е изд. стереотип. – М.: ФЛИНТА, Наука, 2008. – 464 с.

40. Колодин, О.О. Имя как способ выражения авторской идеи в создании литературного персонажа [Текст] / О.О. Колодин // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. Филология. Вып. 10 (90). – 2010. – С. 106-111.

41. Косиченко, Е.Ф. Знаковость личного имени в художественном тексте: вопросы референции и смыслообразования [Текст] / Е.Ф. Косиченко // Вестник МГЛУ. – Вып. 9 (695). – 2014. – С. 117-127.

42. Красных, В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность / В.В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
43. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология [Текст]: курс лекций / В.В. Красных – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
44. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман [Текст] / Ю. Кристева // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М., 2000. – С. 427-457.
45. Ларин, Б.А. Эстетика слова и язык писателя [Текст]: избранные статьи / Б.А. Ларин. – Ленинград: Художественная литература, 1974. – 288 с.
46. Леденёва, В.В. Идиостиль как система отношений [Текст] / В.В. Леденева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2001. – № 3-5 (23). – С. 12.
47. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность [Текст] / А.А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.
48. Лосев, А.Ф. Философия имени [Текст] / А.Ф. Лосев. – М.: Академический проект, 2009. – 300 с.
49. Лотман, М.Ю. Структура художественного текста [Текст] / М.Ю. Лотман. – СПб.: Искусство СПб, 1998. – 285 с.
50. Манн, Ю.В. Постигая Гоголя: [Текст] учеб. пособие для старшеклассников и студ. вузов / Ю. В. Манн. – М.: Аспект-Пресс, 2005. – 205 с.
51. Масалева, Н.В. Соматизмы в русской языковой картине мира [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук 10.02.01 / Н.В. Масалева. – Иваново, 2010. – 15 с.
52. Маслова, В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста [Текст] / В.А. Маслова. – Минск: Высшая школа, 1997. – 156 с.
53. Матвеев, Б.И. Красочное слово Гоголя [Текст] / Б.И. Матвеев // Русский язык в школе. – 1992. – № 1. – С. 66-72.

54. Машинский, С.И. Художественный мир Гоголя [Текст]: пособие для учителей. – 2-е изд. / С.И. Машинский. – М.: Просвещение, 1979. – 432 с.
55. Моисеенко, Л.В. Лингвокогнитивные основы теории прецедентности [Текст]: автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.19 / Л.В. Моисеенко. – Москва, 2015. – 54 с.
56. Москвин, В.П. Стилистика русского языка. Теоретический курс [Текст] / В.П. Москвин. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 630 с.
57. Моторкина, Д.А. Идиолект и идиостиль писателя [Текст] / Д.А. Моторкина // Понимание и рефлексия в образовании, культуре, коммуникации: сб. науч. тр.; ответ. ред. Н.Ф. Крюкова. – Тверь: Изд.-во ТвГУ, 2006. – С. 168-170.
58. Мочульский, К. Гоголь. Соловьёв. Достоевский [Текст] / К. Мочульский / Сост. и послесл. В.М. Толмачёва. – М.: Республика, 1995. – 607 с.
59. Нахимова, Е.А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной массовой коммуникации [Текст]: автореф. дис. ...д-ра филол.наук: 10.02.19 / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург, 2011. – 44 с.
60. Нахимова, Е.А. О формальных показателях прецедентности антропонима [Текст] / Е.А. Нахимова // Известия УрГПУ. Лингвистика. – № 17. – 147-155.
61. Нахимова, Е.А. Прецедентные имена, восходящие к текстам Н.В. Гоголя в современной коммуникации [Текст] / Е.А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2007. – № 7. – С. 143-148.
62. Николаев, Д.П. Сатира Гоголя [Текст]: учеб. пособ. вузов / Д.П. Николаев. – М.: Художественная литература, 1984. – 367 с.
63. Новиков, Л.А. Художественный текст и его анализ [Текст] / Л.А. Новиков.– 3-е изд., перераб и доп. – М.: ЛКИ, 2007. – 304 с.
64. Орлова, Н.М. Библейский текст как прецедентный феномен [Текст]: автореф. дис. ...д-ра филол.наук:10.02.19 / Н.М. Орлова. – Саратов, 2010. – 50 с.

65. Павлова, Т.А. Лингвокультурологические характеристики коммуникативного пространства детской поэзии [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Т. А. Павлова. – Калининград, 2011. – 25 с.
66. Попадинец, Р.В. Прецедентные имена в сознании носителя русского языка (экспериментальное исследование) [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Р.В. Попадинец. – Курск, 2006. – 24 с.
67. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.
68. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека [Текст] / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. –216 с.
69. Потебня, А.А. Мысль и язык [Текст] / А.А. Потебня. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.
70. Приходько, В.К. Выразительные средства языка [Текст]: учеб. пособ. вузов/ В.К. Приходько. – М.: Академия, 2008. – 255 с.
71. Пучкова, Е.В. Функционирование прецедентных феноменов в газетных заголовках [Электронный ресурс] / Е.В. Пучкова // Ученые заметки ТОГУ: электрон. науч. изд. – 2013. – Т. 4, № 4. – С. 2106-2112. – Режим доступа: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2014/TGU_4_375.pdf.
72. Савкина, Е.А. Об особенностях функционирования прецедентных имен в рекламном дискурсе и в языке СМИ [Текст] / Е.А. Савкина // Язык, литература, культура. – 2006. – Т.2, № 2. – С. 109-116.
73. Сергеева, Г.Г. Абстрактные имена в дискурсе школьников как средство отражения представлений о прецедентных именах, связанных с константами русской культуры [Текст] / Г.Г. Сергеева // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст.; отв. ред. В.В. Красных. – М.: МаксПресс, 2003. – С. 103-115.
74. Синдром Плюшкина [Электронный ресурс]. URL: <http://prosindrom.com/psychopathological/sindrom-plyushkina.html> (дата обращения: 18.05.2017).

75. Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов [Текст] / Г.Г. Слышкин. – М.: Академия, 2000. – 141 с.
76. Смирнова, Е.А. Поэма Гоголя «Мёртвые души» [Текст] / Е.А. Смирнова. – Ленинград: Наука, 1987. – 198 с.
77. Смирнова-Чикина, Е.С. Поэма Н.В. Гоголя «Мёртвые души»: комментарии [Текст] / Е.С. Смирнова-Чикина. – Изд. 2-е. – Л.: Наука. – С. 202.
78. Соколова, О. Блины по рецепту Коробочки [Электронный ресурс] / О. Соколова // Домовой: всё для всех. Идеи на каждый день. URL: <http://www.habex.ru/paper/854/16422/> (дата обращения: 19.05.2017).
79. Соколова, О.И. Личное имя собственное как прецедентный феномен [Электронный ресурс] / О.И. Соколова // INTER-CULTUR@L-NET: электрон. науч. журн. – 2006. – № 5. – Режим доступа: <http://www.myluni.ru/journal/clauses/90/>.
80. Старых, О.В. Соматизмы как особый класс слов в лексической системе церковнославянского языка [Текст] / О.В. Старых // Вестник ПСТГУ. Филология. – 2001. – № 2 (24). – С. 80-85.
81. Степанов, Ю.С. Стиль [Текст] / Ю.С. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с. – С. 494-495.
82. Тарасов, Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания. Языковое сознание и образ мира. [Текст]: сб. ст. / под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. – М.: Институт языкознания, 2000. – 320 с.
83. Тарасова, И.А. Поэт как критик: константы когнитивного стиля [Текст] / И.А. Тарасова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 37 (328). – С. 165-167.
84. Телия, В.Н. Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости несколькословных образований [Текст] / В.Н. Телия, А.В. Дорошенко // Язык, культура, общение: сборник научных трудов в честь

юбилея заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова С. Г. Терминасовой. – М.: Гнозис, 2008. – С. 207-216.

85. Тихоненко, О.Д. Категории «идиолект», «идиостиль», «языковая личность» и лингвистические методики их описания в контексте изучения языка художественной литературы [Текст] / О.Д. Тихоненко // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – 2013. Т.13. – № 9. – С. 159-164.

86. Толковый словарь русского языка: В 4 т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1940. Т. 4. С–Ящурный [Электронный ресурс]. URL: <http://febweb.ru/feb/ushakov/ush-abc/25/us4d4119.htm> (дата обращения: 9.03.2017)

87. Томашевский, Б.В. Сравнение [Текст] / Б.В. Томашевский // Стилистика. – Л.: Наука, 1983. – С. 204-216.

88. Фатеева, Н.А. Интертекстуальность и её функции в художественном тексте [Текст] / Н.А. Фатеева // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1997. – № 5. – С. 12–21.

89. Флейшер, Е.А. Основы прецедентности имени собственного [Текст]: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.А. Флейшер. – СПб., 2014. – 164 с.

90. Харченко, В.К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское [Текст] / В.К. Харченко. – М.: Изд-во Литературного института им. М. Горького, 2009. – 532 с.

91. Чащина, С.С. Прагматический потенциал прецедентных феноменов в рекламе / С.С. Чащина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2008. – № 27. – С. 292-298.

92. Чернявская, В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В.Е. Чернявская. – М.: Директ-Медия, 2014. – 267 с.

93. Чечулина, Л.С. Функциональный анализ грамматических явлений в тексте [Электронный ресурс] / Л.С. Чечулина // Уральский филологический

вестник. Психоллингвистика в образовании. – 2012. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnyy-analiz-grammaticheskih-yavleniy-v-tekste>.

94. Чумак-Жунь, И.И. Критерии определения доминант микрополей лексико-семантического поля цвета [Текст] / И.И. Чумак-Жунь // Филологические исследования. – 2003. – № 2. – С. 381-383.

95. Чумак-Жунь, И.И. Понятие прецедентность в контексте дискурсивных исследований / И.И. Чумак-Жунь // Журналистика и медиаобразование в XXI веке: сб. науч. трудов междунар. науч.-практ. конф. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – С. 315-319.

96. Чумак-Жунь, И.И. Функционирование прецедентного образа в поэтическом дискурсе [Текст] / И.И. Чумак-Жунь // Художественный текст и языковая личность: материалы IV Всероссийской науч. конф. (27-28 октября 2005 г.) / под ред. Н.С. Болотновой. – Томск, 2005. – С. 83-88.

97. Чумак-Жунь, И.И. Интертекстуальность как способ приращения смысла поэтического текста [Текст] / И.И. Чумак-Жунь // Научно-методический журнал. – Харьков: ХНПУ, 2013. – № 1-2. – С. 64-67.

98. Чумак-Жунь, И.И. Концептуальное пространство интертекста [Текст] / И.И. Чумак-Жунь // Культурные аспекты в языке и тексте: сб. науч. тр. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – С. 117-127.

99. Чумак-Жунь, И.И. Художественные концепты как способ отражения индивидуально-авторской поэтической картины мира / И.И. Чумак-Жунь // Картина мира: язык, культура, литература. – Бийск: РИО БПГУ им. В.М. Шукшина, 2006. – С. 318-322.

100. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики [Текст] / Д.Н. Шмелев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЛКИ, 2008. – 280 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фрагмент урока по развитию речи в 9 классе «Характеристика литературного героя через средства языковой выразительности»

Тип урока: интегрированный урок-коммуникация

Аннотация

Интегрированный урок – коммуникация русского языка и литературы по теме «Характеристика литературного героя» решает несколько задач:

- организация поисково-исследовательской работы учащихся по языковому и литературоведческому анализу художественного произведения;
- активизация знаний учащихся о стилях и типах речи;
- подготовка к самостоятельной работе по созданию собственного высказывания

При подготовке урока реализованы идеи коммуникативно-деятельностного подхода.

Ведущий метод – интерпретация текста, приёмы – языковой разбор.

На уроке происходит обучение умению читать, слушать, строить собственное высказывание.

Специальные упражнения – аналитические предполагают коллективную коммуникацию с автором произведения – постижение творческого замысла. Учащиеся постигают приёмы и средства, используемые писателем при создании портретного описания героя произведения.

Ход урока

1. Повторение-обобщение средств выразительности:
 - а) Выразительные средства фонетики (аллитерация, ассонанс);
 - б) Словообразовательные средства выразительности;
 - в) Лексические средства выразительности (сравнение, метафора, олицетворение, оксюморон, синонимы, антонимы и др.)

г) Синтаксические средства выразительности (риторический вопрос, риторическое восклицание, ряды однородных членов, анафора, антитеза и др.).

2. Распределение учащихся по группам. Работа с отрывками из текста Н.В. Гоголя «Мертвые души» (2-6 главы).

1 группа – Языковая репрезентация образа Манилова;

2 группа – Языковая репрезентация образа Коробочки;

3 группа – Языковая репрезентация образа Ноздрева;

4 группа – Языковая репрезентация образа Собакевича;

5 группа – Языковая репрезентация образа Полюшкина.

План характеристики литературного героя, поиск языковых средств, представленных в описании:

а) окружения персонажа;

б) внешности персонажа;

в) характера персонажа;

г) речи персонажа.

Манилов:

а) окружение героя: эпитет *скучно-синеватый* (цвет соснового леса, день).

б) внешность персонажа: сравнение *глаза сладкие, как сахар*, эпитет *приторное выражение в лице*.

в) характер персонажа: пословица *«ни в городе Богдан, ни в селе Селифан»*, метафора *мысль не варилась в его голове*.

г) речь персонажа: существительные с уменьшительно-ласкательным суффиксом: *душенька* (в обращении в жене), обилие прилагательных в превосходной степени сравнения: *препочтеннейший, прелюбезнейший, образованнейший*).

3. Обсуждение «ключевых» языковых средств, формирующих галерею помещиков поэмы Н.В. Гоголя. Формулирование роли отдельных средств языка для создания образов героев «Мертвых душ» (Манилов – бездеятельный мечтатель, живущий в мире своих грёз, в мире пустой болтовни, он слабоволен и излишне сентиментален).

Вывод обучающихся: все языковые средства характеристики помещиков – это детали, создающие образ героев.

